Дженнифер
Блейк
Аромат
Зарая

Дженнифер Блейк

# Аромат рая

1988

**Блейк Д.**

Аромат рая / Д. Блейк — 1988

На далеком острове Сан-Доминго в Карибском море начинается история пламенной и страстной любви... Красавица Элен Мари Ларпен выходит замуж за богатого плантатора. Все готово к свадьбе – подарки, цветы, угощение. Но свадебная церемония прервана... На острове вспыхнуло восстание рабов. Обезумевшие негры убивают плантаторов, жгут их дома. Элен и ее служанке Дивоте удалось бежать, но вскоре они попадают в руки разбойников. Судьба посылает спасение в образе Райана Байяра – капитана торгового судна.

© Блейк Д., 1988

# Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ 5
ГЛАВА ВТОРАЯ 15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 26
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 34
ГЛАВА ПЯТАЯ 41
ГЛАВА ШЕСТАЯ 49
Конец ознакомительного фрагмента. 54

# Дженнифер Блейк
# Аромат рая

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

Солнце наконец-то село, и за высокими – от потолка до пола, распахнутыми навстречу вечернему воздуху окнами опустились тропические сумерки. Здесь, в своей спальне, Элен Мари Ларпен готовилась к свадьбе. Свечи, горевшие по обеим сторонам зеркала на туалетном столике, возносили тонкие серые струйки дыма к высокому потолку. Щеки Элен пылали, золотистые волосы на лбу и на висках потемнели от пота. Лихорадочно блестевшие глаза девушки выдавали ее страдание, но оно не было связано с той духотой, которая оставалась в комнате после утомительного, жаркого дня.

– Я не могу пойти на такое, Дивота! – с отчаянием в голосе повторяла Элен, встречаясь взглядами в зеркале со своей горничной. – Ну просто не могу!..

Дивота старательно расчесывала и укладывала в прическу длинные, прекрасные волосы своей любимой воспитанницы.

– Не расстраивайся, chere[1]. Церемония быстро закончится, и потом все будет хорошо...

– Не могу понять, почему папа так настаивает на этой свадьбе, и именно теперь?

– Это было решено давным-давно.

– Да, но решение-то принимала не я... – Горничная внимательно рассматривала бледное лицо молодой женщины с нервным румянцем на высоких скулах, с жестко поджатыми губами изящно вылепленного рта, с резкими складками вокруг прямого носа со слегка вздернутым кончиком.

– Уж не боишься ли ты, моя дорогая, а? – спросила Дивота.

– Конечно, я боюсь!.. Как можно затевать пышную свадьбу сейчас? Это ведь чистое безумие! Почему бы нам не пожениться тихо и спокойно, чтобы присутствовали только ты и папа, да еще один или два друга семьи в качестве свидетелей? Какой смысл щеголять нашей экстравагантностью перед беглыми рабами?

– Думаю, твой отец наконец понял, что не существует ничего постоянного, но он просто решил притвориться, что на острове все остается по-прежнему.

– А Дюран еще и поддерживает его в этом.

Тон, которым Элен произнесла имя своего жениха, не выдавал ни ее любви, ни даже малейшего уважения к нему.

– Они оба одного поля ягоды.

Такое замечание, высказанное Дивотой в адрес хозяина дома и жениха Элен, не показалось девушке чем-то необычным. Горничная-мулатка приходилась ей теткой, потому что была младшей сводной сестрой ее покойной матери. Все в семье признавали такие отношения родства между ними, потому что не находили в них ничего необычного.

Высокая женщина с кожей золотисто-коричневого оттенка, с орлиными чертами лица и жесткими волнистыми волосами, спрятанными под распространенным на островах Вест-Индии платком, называемым тиньоном, говорила грамотно, что свидетельствовало о ее образовании, которое она получила вместе с матерью Элен. Дивота была неразлучна с Элен с момента появления девочки на свет – ее родная мать умерла при родах.

Подумав, горничная продолжала:

---

[1] Дорогая (фр.)

– Но я говорю не о страхах, связанных с опасной ситуацией, сложившейся на острове, а о твоем женихе. Ты же не можешь сказать, что не представляешь того, что ожидает тебя этой ночью... А может, ты боишься Дюрана Гамбьера? Боишься того, что он сделает ночью?

– Нет, конечно... Если мне и боязно, то только немного... Но, Дивота, а что, если он не... не отнесется ко мне с пониманием?

– Но ведь он благородный мужчина, джентльмен... Он станет чтить тебя как свою жену, как мать его будущих детей...

– Да, но будет ли он нежным и терпеливым или вынудит меня делать то, что ему захочется?

– Короче говоря, воспользуется ли он твоими ласками и будет ли внимателен к тебе? Ты это хочешь знать?

– Да, – ответила тихо Элен.

– В этом не сомневайся. Мы ведь можем сделать так, что Дюран станет твоим рабом.

Элен взглянула на Дивоту с недоверчивой улыбкой:

—Неужели такое возможно?

– Подожди-ка минуточку. – И, упрямо поджав губы, горничная круто повернулась и быстро вышла из комнаты.

Элен удивленно посмотрела вслед женщине. «Что пришло Дивоте в голову? Временами она бывает такой странной. Вот и сейчас вышла из комнаты, прервав такое важное дело, как предсвадебные приготовления... А ведь времени почти не осталось, скоро я должна появиться перед гостями...»

Встревожившись, Элен вскочила и направилась к окну. Задняя галерея, на которую оно выходило, была пуста. Вечер за окнами оставался душным. Насекомые и ночные птицы, которые обычно заполняли воздух своим невнятным шумом, затихли. Слышны были только скрип каретных колес на посыпанных ракушечником дорожках, возгласы прибывающих гостей у парадной двери, а из-под галереи, с террасы, где должна была происходить церемония, раздавались звуки смычковых инструментов трио музыкантов-негров, нанятых по этому случаю, настраивали их, проигрывая отрывки мелодий. И еще откуда-то издалека несся невнятный шум, похожий на раскаты отдаленного грома. Это на окрестных холмах били барабаны. Элен вздрогнула.

Запахи жарившегося на кухне мяса смешивались с ароматом цветов и плодов, со знакомыми с детства запахами моря, которые всегда ощущаешь здесь, на острове Сан-Доминго[2].

Женитьбу двадцатитрехлетней Элен и Дюрана Гамбьера, который был старше ее на шесть лет, их родители задумали давно. Элен училась в школе-пансионе под Парижем, когда негры-рабы подняли восстание на Сан-Доминго. Ее отец в тот момент находился на пути во Францию, намереваясь увезти дочь подальше от опасностей разразившейся там кровавой революции. Забрав Элен из школы-пансиона, отец пристроил ее на время пожить у дальних родственников, солидных буржуа, торговцев в Гавре, которые старательно соблюдали нейтралитет по отношению к политической борьбе во Франции. Затем месье Ларпен уехал в Новый Орлеан и, присоединившись к беженцам, вскоре вернулся на Сан-Доминго.

В начале восстания негры и мулаты объединились против белых, совершая набеги на дома владельцев плантаций, разоряя и убивая своих хозяев. Французское правительство, увязшее в последствиях революционного переворота в стране, оказалось неспособным послать достаточное количество войск, чтобы подавить освободительное движение, охватившее весь остров. Однако из-за взаимных распрей между неграми и мулатами попеременно то одна, то другая часть восставших силой и интригами устанавливала на острове свое господство. Когда же республиканская Франция смогла наконец послать войска, чтобы восстановить свою власть

[2] Колония Франции в XVII-XIX вв. на западной части острова Гаити.

в колонии, мулаты присоединились к отрядам регулярной армии, выступавшей против негров, а негры, в причудливом volte-face[3], объединились перед новой угрозой со своими прежними хозяевами – с французскими плантаторами-роялистами. Позже, когда испанцы и англичане перенесли войну в Европе в Карибский бассейн, негры-рабы под предводительством своих вождей сначала Туссена-Лувертюра и после его пленения Жан-Жака Дессалина вступили в союз с этими противниками французов.

Накануне важных и решительных сражений, ожидавшихся в Европе, британские войска были выведены с острова, и Туссен-Лувертюр объявил себя пожизненным генерал-губернатором Сан-Доминго и, повернув силы против своих испанских союзников, изгнал их из страны. На словах он признал власть Франции, но в действительности по-прежнему оставался верховным правителем Сан-Доминго.

С возвышением Туссена в стране наступил неустойчивый мир. Генерал-губернатор восстановил торговлю сахаром и хлопком и для этого пригласил находившихся в изгнании плантаторов вернуться на остров, а бывших рабов силой вынудил снова выйти работать на поля. Впервые за последние десять лет на Сан-Доминго наконец сложились более или менее благоприятные условия для нормальной жизни.

Это произошло всего за год с небольшим до описываемых событий, в 1801 году. Отец Элен, видя, что жизнь меняется к лучшему, послал за Элен и велел ей привезти с собой все свои вещи и украшения, чтобы можно было подготовиться к свадьбе.

Элен, конечно, выполнила наказ отца, правда, из-за этого немного задержалась с возвращением домой. Когда она наконец добралась до Сан-Доминго, на остров высадилась двадцатитысячная армия Наполеона под командованием его шурина – генерала Леклерка. Наполеон, упрочивший к этому времени свое положение в качестве консула республики, решил, что Франции необходим приток товаров с этого райского острова, он и мысли не допускал о том, что генерал-губернатор Туссен-Лувертюр станет и дальше управлять их отгрузкой и контролировать перевозки этих товаров. Вновь начались военные действия.

После нескольких месяцев жестоких боев Туссен-Лувертюр принял навязанные ему условия мира, но вскоре был арестован и вывезен во Францию. Негры-повстанцы ушли в горы и оттуда стали совершать жестокие набеги на плантации белых. Генерал Леклерк восстановил рабство, отмененное при Туссене-Лувертюре, и ввел многие ограничения для мулатов.

Волнения на острове продолжались. Унылый грохот барабанов, доносившийся в долины с повстанческих баз в горах, – барабанов-вуду[4],которые несли сообщения рассеянным по острову отрядам вооруженных негров, – звучал постоянно. Ездить по дорогам без вооруженной охраны становилось опасно. Силы наполеоновской армии постепенно таяли, и не столько от боев с мятежниками, сколько от опасных тропических болезней – желтой лихорадки и холеры, малярии и тифа. Вскоре жертвой этих болезней оказался и сам генерал Леклерк.

Из-за опасной обстановки на острове свадьбу Элен и Дюрана на некоторое время отложили. Отец Элен и ее жених вступили в ряды добровольческого ополчения плантаторов. Французские войска, по своей численности превосходившие и британские, и испанские армии, брошенные против негров в свое время, по-прежнему уступали повстанцам, которыми теперь руководил жестокий и мстительный Дессалин.

Элен радовалась отсрочке свадьбы. Конечно, она не могла противиться этому браку открыто, потому что хотела угодить отцу. Но тем не менее идти под венец не торопилась. Ей хотелось выиграть время, чтобы привыкнуть к отцу, с которым долгое время была в разлуке,

---

[3] Резкая перемена взглядов (фр.)

[4] Культовая система примитивных верований и обрядов, основанных на признании силы колдовства и фетишизма. Встречается на островах Вест-Индии (Карибский бассейн) и в южных районах США. Возникла среди рабов – выходцев из Африки в XVI—XVII вв.

чтобы приспособиться к спокойной жизни на острове. Но больше всего она нуждалась во времени для того, чтобы понять человека, за которого должна была выйти замуж.

Ожидание оказалось для Элен полезным. Она убедилась в том, насколько ожесточенным стал ее отец. Он и раньше был строг со своими рабами, но теперь, напуганный их предательством, многих часто наказывал кнутом. Изменился он и к Элен: немедленно разражался уничтожающей бранью и гневом, если дочь не соглашалась с ним и выражала собственное мнение по тому или иному вопросу, касавшемуся, например, ведения домашнего хозяйства.

В отношениях с женихом у Элен тоже были сложности. Этот красивый, обаятельный мужчина, как и ее отец, отличался властолюбием. Он, например, взял себе за правило приучать Элен к тому, что сам назначал время своих визитов к ней, вместо того чтобы поинтересоваться, когда Элен было бы удобно принять его, а кроме того, Дюран почему-то считал себя вправе поучать девушку, куда и когда могла она выйти из дому. Он беззастенчиво заявлял ей о своих вкусах и предпочтениях, касавшихся ее бальных платьев и шляпок, причесок и даже музыкальных пьес, которые Элен должна была исполнять по вечерам. Дюран заранее решил, когда и сколько у них появится детей, и сам выбрал для них имена. Он открыто давал понять своей невесте, что в совместной жизни все должно быть подчинено только его вкусам.

Ему не нравилось, когда в его присутствии Элен выглядела смущенной. Как-то он даже признался Элен, что может проявить по отношению к ней грубость, хотя пообещал тут же, что будет относиться к ней, как к самому хрупкому украшению своего дома.

Но подобное откровение не успокоило Элен. Поговаривали, что его любовница Серефина время от времени демонстрировала своим подругам синевато-багровые кровоподтеки.

Окончательный срок свадьбы Элен и Дюрана определился, когда Туссена-Лувертюра арестовали и отправили во Францию для содержания в тюрьме. Элен не могла отделаться от предчувствия, что из-за высокомерия обоих отца и жениха – свадьба превратится в бессмысленно щедрое развлечение для всей округи. Видимо, им очень хотелось доказать всему обществу, что они с презрением относятся к необходимости менять свои привычки ради элементарной безопасности.

Подойдя к туалетному столику, Элен внимательно вгляделась в свое отражение в зеркале. Неужели ей не удастся убедить отца в том, чтобы он не выдавал ее замуж?

Стоило Элен только однажды попытаться заговорить об этом с отцом, как тот рассвирепел настолько, что в какое-то мгновение девушке показалось, что он может приказать высечь ее, как последнюю рабыню. Разумеется, Элен могла бы убежать из дому, но на острове негде было укрыться, да и отправиться в путь в одиночку в это опасное время не посмела бы ни белая, ни цветная женщина. Подобный решительный шаг неминуемо повлек бы за собой только несчастья.

В глубине души Элен все же хотела выполнить волю отца, чтобы вернуть его расположение к себе, вернуть прежнюю атмосферу отношений между ними, когда отец был добр к ней, любил ее. Таким она помнила его с раннего детства. Она так скучала по нему во Франции!..

Дивота прервала воспоминания Элен. Горничная пулей влетела в комнату и прикрыла за собой дверь. Элен обернулась:

– Куда ты ходила? Нам нужно поторапливаться, иначе я опоздаю, а ты знаешь, каким стал папа.

– Не волнуйся. Это, пожалуй, поважнее.

– Что это?

– Секрет, который сможет защитить тебя.

Сунув руку в карман фартука, Дивота вынула маленький желтовато-зеленый флакончик. Ловким движением она вытащила пробку, и в теплом, неподвижном воздухе комнаты поплыл сладкий запах гардений, роз, жасмина и сандалового дерева.

– Духи? Какой чудесный запах! Не сомневаюсь, что на Дюрана он окажет сильное впечатление. Я слышала, что его любовница каждый день купается в ванне с надушенной водой.

– Но не с таким же букетом ароматов! – проговорила Дивота.

– Откуда тебе знать?

– Другого такого просто не существует, – заявила горничная.

Элен протянула к флакончику руку. Вреда от него, пожалуй, не будет.

– Минуточку, chere. Распахни-ка, пожалуйста, свой пеньюар.

– Что?

– Это масло, и его следует втереть в кожу плеч и рук.

Элен понимала, что Дивота старалась ей помочь. Она ведь так беспокоилась о ней, все время давала какие-то советы. Элен не стала бы отрицать, что в эти минуты ей необходима была любая помощь, которая могла поднять ее дух перед тем, как отправиться к алтарю, где они с Дюраном обменяются своими клятвами.

Легким движением плеч Элен сбросила пеньюар и протянула ладошку, чтобы Дивота налила в нее немного ароматной жидкости. Следуя указаниям горничной, девушка осторожно перелила часть масла на другую ладонь и провела ими по плечам, по ямочке под горлом, вдоль рук до локтей и кистей. Но этого Дивоте показалось мало. Служанка налила ей еще несколько капель и настояла, чтобы Элен растерла их по белым полушариям грудей и по животу до самого низа.

Когда Элен начала растирать свое тело, Дивота тихим, низким голосом что-то запела. Звуки ее песни, похожей на молитву, заставили девушку вспомнить о слухах, будто бы Дивота, будучи приверженкой культа вуду, поклоняется древним, привезенным из Африки божкам, а еще поговаривали, что в языческих ритуалах она выполняет роль жрицы. Обычно таким жрицам приписывали некую странную способность вызывать смерть человека проклятием или уколами иголок или спиц в изображающую этого человека куклу, а кроме того – способность оживлять умерших, умение приготовлять питье, которое обращает любовь в ненависть, и наоборот.

«Сказки и только сказки», – подумала Элен. Дивота казалась такой обычной при свете свечей в своем белом, накрахмаленном фартуке, с темно-карими, полными любви, сочувствия и заботы глазами.

Запах душистого масла обволакивал Элен, почти лишая ее сил.

– Хорошо, очень хорошо! – тихо проговорила горничная. – Когда ты окажешься в объятиях своего мужа, он испытает волшебное воздействие этого аромата, который в сотни раз увеличит его мужскую силу. Он сразу же окажется в твоей власти и всегда будет доставлять тебе удовольствие всеми доступными ему способами. Никакая другая женщина уже не сможет привлечь его к себе.

– Все это очень хорошо, – насмешливо заметила Элен. – А что, если он искупается? Или искупаюсь я?

Дивота нахмурилась:

– Ты не должна так легкомысленно к этому относиться. Конечно, при купании это масло смоется. Поэтому тебе придется наложить его снова.

– А если я дотронусь до другого мужчины? Он что, тоже может оказаться в моем плену?

– Смотри, чтобы такого не случилось! Если только сама этого пожелаешь.

Казалось, Дивота говорила о каких-то нереальных вещах. «Однако, – подумала Элен, – в эту игру стоит сыграть». Она легонько постучала по своей головке.

– А со мной все будет в порядке? Не окажет ли это на меня какого-нибудь воздействия? – продолжала удивляться девушка.

– Для тебя это не более чем обычные духи, просто они обладают свойством удерживать мужчину при себе, если того захочется женщине.

– Я, впрочем, не уверена в том, что Дюрану нужно мое любящее сердце. Похоже, он ищет путь к папиным землям.

– Доверься мне, chere. А сейчас нам пора одеваться, чтобы твой папа не рассердился.

Свадебное платье Элен, сшитое по моде, которую диктовал Париж, было из шелка кремового цвета с низким квадратным вырезом, с буфами на рукавах и ниспадающей от самого бюста свободной юбкой, расшитой по подолу золотыми нитями. Вырез платья тоже был украшен изящной вышивкой в виде завитков и листьев. Ее волосы, собранные толстой косой с вплетенной в нее золотой лентой, были уложены над лбом короной. На шее поблескивало изящное ожерелье с камеей, когда-то принадлежавшее ее матери, а в ушах – золотые сережки, которые вместе с кашмирской шалью и веером из пластин слоновой кости Элен получила в подарок от жениха в «корзинке для невесты».

Обычно Элен не пользовалась пудрой, румянами и помадой, но, поскольку в этот вечер она выглядела необыкновенно бледной, то согласилась, чтобы на губы ей наложили немного карминного крема и слегка, прошлись по скулам красной испанской бумагой.

Дивота не скупилась на комплименты, когда девушка наконец была готова к выходу. Элен поблагодарила горничную, но сама не испытывала никакой радости. Ее не волновало, что могут подумать о внешнем виде невесты гости или близкие, включая и Дюрана. Она чувствовала себя жертвой перед закланием и хотела лишь одного – чтобы свадебная церемония закончилась как можно скорее.

В дверь постучал дворецкий и напомнил, что пора спускаться.

Внезапно засуетившись, Дивота огляделась в поисках веера Элен, а также букетика желтых роз с веткой папоротника. Передав все эти вещи Элен, Дивота торопливо, но крепко обняла ее и поспешила открыть перед девушкой дверь.

Раздавшаяся снизу музыка возвестила о появлении невесты. Звуки возносились вверх к галерее, на которой стояла Элен. Глубоко вздохнув, она двинулась вперед.

– Помни, – чуть слышно сказала ей Дивота, – твой муж будет тебя очень любить...

Дом Ларпенов был выстроен из известняка, доставленного с большими трудностями с гор острова. Он избежал пожаров в те годы, когда отец Элен находился в эмиграции, но не избежал участи остальных разграбленных домов и получил серьезные повреждения. Большая часть великолепной мебели пропала из комнат, а пол галереи испещрили глубокие царапины, оставшиеся после того, как тяжелые предметы выволакивали из дома. Перила галереи, искусно вырезанные из того же мягкого известняка, сохранили следы от ударов мачете и штыками, а несколько балясин в форме урн вообще отсутствовали – их, несомненно, либо выбили из балюстрады по небрежности, либо унесли для каких-то прочих целей. Резное изображение ананаса, когда-то украшавшего стойку перил каменной лестницы, спускавшейся с террасы, тоже исчезло. И чтобы скрыть зияющую дыру на этом месте, на стойку водрузили фаянсовую вазу, наполненную свисающими ветвями розовой герани. Такие же вазы стояли вдоль лестницы на одинаковом расстоянии одна от другой и, кроме того, у подножия лестничного марша.

Элен, задержавшись на верхней ступеньке лестницы, посмотрела вниз. На небольших золоченых стульях полукругом перед алтарем расположились гости. В первом ряду восседал ее отец. Алтарь был задрапирован золотыми и красными тканями и окружен вазами с ветками папоротника. Перед алтарем, приготовившись к церемонии, стоял священник в стихаре. Вместе со всеми приглашенными он ожидал, когда наконец к ним спустится невеста.

Слабый шумок разговоров стих и послышался только шорох платьев, когда собравшиеся внизу обнаружили появление Элен и повернули головы в ее сторону.

Музыка приглашенного на свадебную церемонию трио зазвучала громче. Гости поднялись со стульев, чтобы поприветствовать невесту. Потом возникло какое-то движение, из-под галереи выступил Дюран и остановился у подножия лестницы, рядом с последней стойкой

перил. Он стоял, ожидая ее, с довольной улыбкой на лице, в камзоле с двумя фалдами из золотистого сатина и белых бриджах по колено.

Элен пристально взглянула на жениха, на его длинные, густые каштановые волосы, на квадратное лицо с глубоко посаженными черными глазами и тяжелым подбородком, на римский нос и мясистые губы. Он был среднего роста и плотного телосложения. Весь его облик выражал высшую степень самоуверенности, которая подавляла и пугала одних и приводила в ярость других. Будучи человеком изысканных манер, он привык к тому, чтобы ему всегда доставалось все самое лучшее. «Такого мужа нелегко ублажить...» грустно подумала девушка.

Дюран поставил ногу на нижнюю ступеньку и положил руку на каменные перила, готовый протянуть ее Элен, чтобы отвести невесту к алтарю. Элен нерешительно сделала шаг навстречу ему, потом другой, стараясь удержать равновесие и пытаясь не замечать неподатливость напрягшихся мышц.

Именно в этот момент из задних рядов гостей раздался полный ужаса женский крик, который тут же смешался с другими дикими криками, волнами накатывавшимися со всех сторон, как будто в дурном сне. Так началось нападение негров-повстанцев.

Гости мгновенно сорвались со своих мест, испуганно что-то выкрикивая... Женщины стали рыдать. Послышались скрежет и лязг металла, звуки извлекаемого из ножен оружия.

Некоторые опрометью бросились в дом за револьверами и мушкетами. По газонам уже мчались какие-то темные фигуры, размахивающие оружием.

Терраса наполнилась толпой сражающихся друг с другом людей, из ртов которых вылетали проклятия, отчаянные вопли...

Ярко-красные капли крови окрасили каменные плиты пола.

Ошеломленная Элен, все еще не веря своим глазам, увидела, как Дюран спрыгнул с лестницы, чтобы схватиться с жилистым негром в набедренной повязке. Жених вырвал из липких от крови рук воина мачете. Яростно размахивая оружием, Дюран вскоре скрылся из поля ее зрения. Взгляд Элен переметнулся к фигуре отца. И в этот момент она увидела, как чей-то топор вонзился в его шею.

Девушка, охваченная ужасом, беспомощно вскрикнула. Она стала медленно спускаться по ступенькам, не в силах оторвать взгляда от распростертого тела отца. Какой-то негр с изрытым оспинами лицом, увидев на лестнице Элен, ринулся вверх по ступеням. В руках он держал вверх лезвием мачете, направленный на будущую жертву, глаза его кровожадно блестели.

Элен швырнула негру в лицо свой букет и веер и, подхватив юбки, стремительно бросилась вверх по ступеням, слыша позади себя топот босых ног. Приблизившись к верхней площадке лестницы, девушка отпустила юбки и, схватив тяжелую вазу с цветами, стоявшую на стойке перил, обрушила ее на голову своего преследователя. Тот со стоном рухнул спиной на лестницу и покатился по ней, то и дело наталкиваясь на осколки разбитых ваз. Элен обернулась, чтобы взглянуть на страшную картину разрушений в последний раз.

И вдруг увидела Дивоту. Горничная уже схватила ее за руку и потащила за собой:

– Сюда! Быстро!

Они помчались по галерее. Впереди была широкая лестница, которая вела к главному входу в дом, а справа от нее темнела узкая и крутая лестница для прислуги. Женщины шмыгнули на узкие ступеньки и, не раздумывая, скатились по ним вниз.

Перед ними оказалась небольшая дверь, которая вела в буфетную дворецкого, а из нее можно было попасть в главную столовую дома. Дивота повернула ручку, и дверь распахнулась настежь.

Они снова побежали, пересекая буфетную и столовую, и через огромные распахнутые в сад окна попали на терраску в удаленной части сада. Простучав каблучками по ступенькам терраски и перебежав газон, скрылись в кустах гибискуса, образовывавших живую изгородь. Под прикрытием кустов Дивота и Элен стремительно убегали все дальше от дома в сторону трост-

никовых плантаций, убегали, словно преследуемые животные, тревожно оглядываясь и тяжело дыша. Наконец им удалось добраться до первых рядов высоких стеблей сахарного тростника.

Но даже сейчас, находясь вроде бы в безопасности, они никак не могли остановиться и с трудом продвигались по рядам, похожим на длинные зеленые туннели из широких листьев тростника, вытянув перед собой руки и прикрывая ими свои лица. Иногда они сбавляли шаг, чтобы перевести дыхание, но тут же устремлялись вперед. Позади слышались крики и выстрелы.

Поля, казалось, будут тянуться бесконечно. Тут и там попадались участки, задушенные сорняками, одичавшими кустами кофе и виноградником. Кроме того, встречались участки, не засеянные еще со времени первого восстания и которые теперь зарастали подлеском. Такие участки попадались все чаще, в конце концов переходя в тропический лес.

Через некоторое время обе женщины стали двигаться совсем медленно, отчасти из-за усталости, отчасти от страха, что могут наткнуться на остатки нападавших негров или еще на какую-нибудь банду. И только зайдя глубоко в лес, они наконец остановились. Эта часть поросшей деревьями земли представляла собой полосу шириной не более полутора миль и граничила с одной стороны с тростниковыми полями, через которые они только что пробрались, а с другой – с главной дорогой, ведущей в Порт-о-Пренс.

Элен и Дивота углубились в чащу. И когда, спотыкаясь, вошли под сень большого дерева, то в изнеможении опустились на землю. Обе прислонились спинами к его стволу, закрыв глаза и пытаясь отдышаться.

Элен наконец открыла глаза. В окутавшей их темноте она увидела красноватое мерцание на небе в той его стороне, откуда они пришли. В теплом воздухе ощущался запах дыма.

– Дом... Они жгут дом, – проговорила девушка безразличным тоном.

– Да... – не открывая глаз, ответила Дивота.

– Взгляни туда, там тоже что-то горит. – Дивота взглянула сквозь шатер листвы над ними:

– Где? – Элен указала:

– Там. Отсвет пожара можно видеть на облаках.

– Может, восстание уже охватило весь остров? – с горечью проговорила горничная.

Элен, покачав головой, снова закрыла глаза.

– Какое это имеет значение? Вопрос в том, что нам теперь делать?

Отец погиб. Она сама видела, как он умер... Элен передернуло от воспоминаний сцен страшной бойни, которые опять всплыли в ее памяти; и все же они казались совершенно нереальными...

– Мы могли бы добраться до французских войск в Порт-о-Пренсе... – неуверенно предложила Дивота.

– Может быть, – тихо ответила девушка.

– Нам стоит попробовать.

– Да, – согласилась Элен.– Думаю, дорога окажется слишком опасной. Как было бы полезно узнать, что на ней творится.

– Я смогла бы это выяснить, – отозвалась Дивота.

– Что ты хочешь этим сказать.

– Если мне удастся встретиться с каким-нибудь рабом из нашего поместья, то он сможет рассказать мне, что затевает Дессалин, почему он отдал такой приказ.

– Слишком рискованно! – решительно ответила Элен.

Она достаточно хорошо знала рабов из своего хозяйства, которые могли принимать участие в восстании, этих людей, за которыми ухаживала, когда те болели, мужчин и женщин, которые убирали дом, подрезали деревья в саду и сгребали листья, работников, которые пели в полях. Она хорошо их знала, но встречаться с ними не хотелось.

– Большого риска нет, по крайней мере с теми, у кого цвет кожи такой же, как у меня.

Элен очень редко думала о Дивоте как о цветной женщине, точно так же, как едва ли думала о ней как о родственнице. Просто для нее она была мудрой, заботливой Дивотой, которая всегда находилась рядом. «Неужели эта женщина могла знать, что случится в этот вечер? Нет, не могла!»

– А если они признают в тебе горничную Ларпенов? Этого окажется достаточно, чтобы расправиться с тобой.

– И все-таки это шанс, которым я должна воспользоваться, чтобы что-нибудь выяснить для нас. Если это и в самом деле всеобщее восстание, то нам понадобится укрытие, где мы смогли бы спрятаться. И сделать это нужно еще до рассвета.

Дивота рывком поднялась и, выпрямившись, поправила фартук и тиньон. Элен наблюдала за ее движениями. Как госпожа рабыне, она могла бы приказать Дивоте остаться, но отношения между ними были не такими. В любом случае Элен не чувствовала в себе прежней уверенности в том, что служанка ей подчинится, особенно теперь, как и в том, хочет ли она сама, чтобы Дивота оставалась сейчас с нею.

– Если ты считаешь, что должна идти, то иди, но я пойду с тобой.

– Нет-нет, будет лучше, если ты останешься здесь. А я скоро вернусь.

– Я могла бы последить... – начала было Элен, но тут же осеклась – Дивота исчезла в ночи.

«Она привыкла ходить в темноте по бездорожью, – убеждала себя Элен. – Как последовательница обрядов вуду или... даже, что вполне вероятно, их жрица Дивота нередко оставляла дом по ночам, чтобы к полуночи добраться на ритуальные сборища в горах. С Дивотой все будет в порядке...»

Медленно ползло время. Мягкий шелест ночных звуков окутывал девушку. Возможно, это падали сухие ветки или листья с деревьев, а может, это было дуновение бродяги-бриза, пробивавшегося сквозь густую листву тропической растительности. Донеслись отдаленные звуки пьяных голосов: кто-то уже праздновал победу. Но шум не становился громче. А через некоторое время и эти звуки исчезли.

Ночь была безоблачной. Лунный свет освещал горизонт за далеко простиравшимися тростниковыми плантациями. Луна выплыла из-за верхушки дерева и медленно поднималась по небу, так что ее свет стал падать почти отвесно сквозь листву над головой. От этого тени под раскидистыми ветвями становились еще более темными. Серебристый лунный свет оставлял на земле бесформенные световые лужицы. Одна из них, размером с ладонь, появилась чуть выше того места, где сидела Элен, и постепенно переместилась на ее колени, покрытые шелком кремового цвета. Мягкое сияние мерцающей ткани слепило ей глаза.

С трудом поднявшись на ноги, Элен укрылась в тени. Но даже там ее платье казалось маяком, а золото цепочки, на которой висела камея ее матери, ярко вспыхивало при каждом ее вздохе, с каждым ее движением. Поэтому девушка сняла камею и сунула ее в карман нижней юбки. Она пожалела, что не додумалась захватить из дому плащ, одеяло или что-нибудь другое, чтобы скрыть блеск своей одежды.

«А может, стоит вымазать платье землей? – подумала она. – Под деревьями достаточно сыро».

Опустившись на колени, девушка стала сгребать себе на ноги листья. Густой запах плодородной земли, казалось, заполнил все вокруг, в то время как шелест опавших листьев, до которых она дотрагивалась, слишком громко отдавался в ее ушах. Набрав в ладонь мокрой земли, Элен размазала ее по руке. Аромат масла, которое несколько часов назад она нанесла себе на кожу, смешался с запахом земли. Элен потянулась, чтобы набрать горсть земли.

Резкий вскрик заставил ее поднять голову. Метрах в десяти от нее стояли двое негров, одетые в грубые штаны, с голыми торсами. Лица и груди их были разукрашены оранжевой и белой красками. Один из них в левой руке держал за ручку серебряный кувшин, в правой –

мачете. У другого в руках не было никаких трофеев, но он уже поднимал топор на короткой ручке.

Девушка медленно поднялась и, сделав шаг назад, попала под поток прямых лучей лунного света, который сразу же осветил ее с головы до ног, вспыхнув и замерев в волосах, на коже, на платье. Элен понимала, что попала в безвыходное положение, но держала голову по-королевски высоко, не желая показывать им, как напугана неожиданной встречей и какой ужас растекается по ее телу.

От изумления мужчины разом шумно вздохнули, как будто перед ними возникло привидение. Тот, что нес серебряный кувшин, пробормотал что-то похожее на молитву. Другой, с топором, бросил на него короткий и жесткий взгляд и сплюнул.

– Возьми ее! – приказал он.

# ГЛАВА ВТОРАЯ

Элен отчаянно сопротивлялась, когда мужчины навалились на нее. Она била их, царапала, ударяла ногами и исступленно кричала.

Негр, который еще несколько минут назад держал мачете, громко рассмеялся, когда ему удалось перехватить ее руку далеко от своего лица, и выкрутил ее запястье. Они грубо обзывали ее, а потом, намотав на руку, словно веревку, бледное золото ее распустившейся косы, протащили девушку по земле, прежде чем швырнули на опавшую листву.

Но Элен продолжала бороться, с трудом дыша, корчась от боли в запястьях и в лодыжках, которые они с силой прижимали к земле. Она задавалась вопросом, почему ее не ударят мачете или топором и почему ее до сих пор не убили, хотя в общем-то знала причину этого. Элен услышала, как разорвался шелк ее платья на рукаве, почувствовала, что и вырез на груди тоже растянулся. Ее сознание окуталось красным туманом ощущения беды и неверия в реальность происходящего. «Это не должно произойти. Не должно... Не должно...» думала она.

Человек, стоявший на коленях у нее в ногах, вдруг напрягся и издал сдавленный крик. Ее лодыжки высвободились. Тот, что сидел возле ее головы, посмотрел в сторону и, выругавшись, оттолкнул ее от себя так, что она покатилась по земле. Элен тотчас встала на колени. Перед ней возник третий мужчина, освещенный лунным светом на темном фоне деревьев, опоясывавших полянку. Высокий и широкоплечий, с бледнеющей в полумраке кожей и с виду худой, он стоял перед большим негром, который размахивал своим мачете, вспыхивающим под лунным светом в его руке. Неподалеку лежал, растянувшись на земле, второй негр, а его топор валялся рядом. Он уже не двигался.

Негр и только что появившийся человек кружили один вокруг другого, их движения казались скованными, хотя оба действовали с осторожностью. Дыхание крупного чернокожего человека было тяжелым и громким в тишине ночи, а его шаркающие по сухим листьям ноги издавали неприятный звук. Второй передвигался тихо, осторожно. Негр ходил кругами и рубил воздух своим мачете, издававшим злобный свист. Металл звенел, ударяясь о металл. Поток ударов и контрударов несся слишком быстро, чтобы в неверном свете луны можно было бы за ними уследить. Человек с саблей резко наклонился и, сделав глубокий выпад, отскочил. Его сабля блеснула, и негр закричал, закачавшись. Его оружие с глухим стуком упало на землю. Негр рухнул на него сверху.

По краю полянки двигалась какая-то тень. Элен с тревогой повернулась к ней. На освещенное луной место вперед выступила Дивота. Легким одобрительным движением она прикоснулась к плечу человека с саблей и, не обращая внимания на распростертые на земле тела, подошла к лежавшей Элен. Опустившись перед ней на колени, Дивота поймала ее руки и с беспокойством в голосе воскликнула:

– С тобой все в порядке? Ну, поговори же со мной, chere, скажи, что ты невредима!

– Да, да, только помоги мне встать.

Чтобы избавиться от слабости в ногах, Элен показалось, что ей сначала придется восстановить свое достоинство, а возможно, и неприкосновенность.

– Ну конечно же, я помогу тебе. Что это у тебя в голове? И к тому же рукав наполовину оторван. Боже Святый, но какие же они животные! Не могу себе представить, что я застала бы, если б возвратилась на несколько минут позже!

– Я тоже!

Элен отодвинулась от своей горничной, когда та стала отряхивать ее платье и пыталась выбрать веточки и листья из ее головы.

– Пожалуйста, Дивота. Я люблю тебя нежно и благодарю Бога и всех Святых за то, что ты прибежала вовремя, но не будешь ли ты любезна предоставить мне возможность поговорить с этим джентльменом?

Ее спаситель вытер лезвие своей сабли горстью листьев и вложил клинок в ножны, висевшие у него на боку.

– Конечно же, chere, это месье РайанБайяр из Нового Орлеана. Мы случайно встретились с ним на дороге.

Элен опустилась в реверансе в ответ на его поклон.

– Какая приятная встреча, месье! Я благодарна вам за ваше... ваше вмешательство только что...

– Рад, что оказался вам полезным, – ответил он густым грубоватым голосом. – Теперь, когда мы обменялись любезностями, не смогли бы мы, с вашего разрешения, отправиться в путь? У меня нет ни малейшего желания воевать со всей армией Дессалина в одиночку.

– Простите меня, если я вас задержала... – начала Элен в недоумении.

– Это не имеет никакого значения, если вы так больше не станете делать.

Мужчина приблизился к ней и взял ее за руку.

– Вы можете идти? – спросил он.

– Конечно же, я могу идти.

И она сделала попытку высвободить свою руку из его крепкой руки.

– Я бы удивился, если б вы не были в легком шоке. Я бы мог вас отнести, если вы хотите.

– *Я*не хочу. Куда вы собираетесь меня отнести, месье?

– Подальше отсюда.

Элен опять попыталась освободить свою руку.

– Вы мне совершенно незнакомы. И хотя вы спасли меня от... от посягательств на мою честь, что могло бы дать вам право на некоторую часть моего состояния... но это отнюдь не дает вам права обращаться со мной так грубо.

– Chere? – Тон горничной был предостерегающим.

– Простите меня, мадемуазель, – вежливо проговорил Райан Байяр, выпуская руку Элен. – Мне показалось, что вы хотите идти вместе со мной.

– Вы ошиблись.

– Chere, нет! – В голосе Дивоты прозвучали нотки протеста, вызванного беспокойством.

–Тогда пожелаю вам доброй ночи. – Элен собралась с духом.

– И я желаю вам того же...

– У него есть лошадь и экипаж, chere! – кричала на нее Дивота. – К тому же есть и место, где мы могли бы укрыться.

Элен повернулась к горничной.

«Место, где мы могли бы укрыться...»

Вначале она хотела заявить, что не нуждается в чьей-либо помощи, хотя в действительности после того, что случилось этим вечером, ей было не по себе. Все события навалились на нее с вызывающей отвращение силой. «Конечно, Дивота считает, что они должны идти с этим человеком, что он их единственная надежда, если иметь в виду их личную безопасность...» И это было определенно так.

Но когда Элен обернулась к своему спасителю, тот уже уходил, скрываясь в полумраке. Она видела высокую, стройную фигуру с широкой спиной, сужающейся к бедрам, и свободный широкий шаг.

Сделав шаг вперед, Элен окликнула его. Он остановился и повернулся к ней.

– Подождите, пожалуйста! Я... – с трудом вымолвила Элен.

Он возвратился, вглядываясь в темноте в ее лицо, и тихо произнес:

– Похоже, мадемуазель, что вы находитесь в состоянии шока больше, чем вы сами думаете. Такая ночь, как эта, может поколебать самых сильных из нас. Приношу извинения за свое поведение и прошу вас поверить, что я почел бы за честь быть полезным вам, если вы только разрешите.

– Мы принимаем ваше предложение с благодарностью, месье. Моя горничная и я. Вы... очень добры.

За последние несколько лет Райана Байяра никто не называл добрым. Он даже не был уверен в том, что ему это понравилось.

– Тогда пойдем?

Путь к проезжей дороге оказался не таким долгим, как вначале думала Элен. Свой экипаж Байяр спрятал у дороги, покрытой ракушечником, и в фаэтон была запряжена блестящая под лунным светом гнедая лошадь. Предназначенный для езды на большой скорости открытый экипаж не был рассчитан на полный комфорт и имел только одно сиденье с плоской подушкой, предназначенное лишь для возчика и, в лучшем случае, еще для одного стройного пассажира. Втроем они втиснулись на это сиденье, при этом Элен оказалась между Дивотой и Байяром, тесно прижатая к ним.

Каждый раз, когда колесо проваливалось в выбоину или когда на поворотах они описывали кривую только на двух колесах, она ожидала, что все они слетят со своих мест вбок или перелетят через упорную доску экипажа, находившуюся перед ними. Единственной вещью, которая могла бы это предотвратить, – а Элен в этом была уверена, – оставалась сильная рука человека сбоку от нее, к которой она и прижималась.

Ей показалось странным все, что произошло с нею, но в свои двадцать три года Элен не думала и не гадала, что окажется так близко к мужчине, не принадлежавшему к ее семейству. Даже Дюран держался на расстоянии от нее в присутствии ее отца или Дивоты. Тело мужчины, который ради спасения ее чести убил двоих, было крепким и мускулистым. Чувствовалось, что молодой человек занимался физическим трудом. Однако его речь и манеры указывали на то, что он джентльмен. Байяр заинтересовал Элен.

Но заслуживал ли Райан Байяр доверия? Это в самом деле было важным вопросом. Он остановил свой экипаж ночью на дороге ради Дивоты, когда люди с ее цветом кожи уничтожали белых, в то время как имел полное право подозревать засаду. Это указывало либо на его уверенность в своей способности защитить себя, либо на то, что он обеспокоен судьбами своих соплеменников. Он пришел на помощь Элен с риском для собственной жизни, почти не колеблясь, не зная, кто она, и уж конечно, не рассчитывая на награду.

И все же в этом человеке что-то вызывало тревогу Элен. Ей показалось, что она слышала его имя и прежде, и не просто в рассказах о древнем роде Байяров, известном во Франции за их военные доблести. Ей очень хотелось разглядеть его лицо и глаза, чтобы отыскать какое-то сходство с теми, кого она, возможно, знала.

Дорога, по которой они ехали, на всем протяжении была свободной. Позади остались одно или два здания плантаций, галереи которых освещались светом ламп, – видимо, их владельцы, собравшись на них, разглядывали красное зарево пожаров и темные облака дыма, клубами вздымавшиеся в ночное небо. Никаких признаков разрушений в этих местах не наблюдалось, как, впрочем, не наблюдалось и отрядов армии Дессалина.

– Нам еще далеко придется ехать? – спросила Элен.

– Мили три или четыре. Но с этой дороги мы скоро свернем, – предупредил Байяр.

Элен показалось, что его попытка заверить ее в их безопасности была связана с тем, что она уже несколько раз оглядывалась на встретившиеся две или три небольшие группы негров, которые немедленно исчезали в лесу, как только экипаж приближался к ним. Казалось, что восстание пока носило ограниченный характер, но те, кто еще не участвовал в нем, переме-

щались с места на место по ночам, вопреки существовавшим ограничениям на передвижение негров.

– Как здесь тихо! Не остановиться ли нам, чтобы сообщить, что на нашу плантацию совершено нападение?

– Любой, кто видит пожары, поймет, что произошло...

Конечно, Байяр был прав. Те белые, кто до сих пор оставался на острове, помнят, как двенадцать лет назад, во время первого восстания негров-рабов, по Сан-Доминго прокатилась волна таких же злодеяний.

– Свадьба. Вот почему они выбрали именно нас...

– Я тоже так думаю – свадьба привлекла внимание повстанцев, если судить по тому, что рассказала мне ваша горничная. Но это был лишь предлог для того, чтобы начать восстание в каком-то конкретном месте.

– Что вы хотите сказать?

– Выглядит так, будто нападению подверглось только несколько зданий – три или четыре – соседних с вашим. Я обратил внимание на то, что путь от того дома, который я посещал, до того места, где меня остановили ради вас... был совершенно свободен от повстанцев. Я не встретил никакого скопления негров. Могу поспорить, что приказ всем работникам плантаций подниматься на борьбу еще не отдан. Скорее всего, этого можно ожидать утром или даже завтра в ночь.

– В последнее время обстановка была такой спокойной, – задумчиво сказала Элен. – И к чему это привело?..

Райан повернул к ней голову.

– Разве вы не слышали? Вчера стало известно, что генерал-губернатор Туссен-Лувертюр умер в тюрьме в Жу.

«Туссен-Лувертюр мертв... Недолгим было правление этого мудрого государственного деятеля. Люди уважали его и даже любили. Его смерть во французской тюрьме должна была послужить той спичкой, которая разожгла пожар на Сан-Доминго еще раз».

Нет сомнений, этот пожар станет распространяться и дальше. Что же делать ей, Элен? У нее не осталось ни дома, ни родственников, только Дивота. Она не знала, жив ли ее жених...

– А где же солдаты Леклерка? – спросила Элен. – Когда же они придут?

– Вопрос в том, придут ли они вообще? – с усмешкой ответил Райан. – Дизентерия и желтая лихорадка унесли сотни французских солдат. Хорошо, если удастся из оставшихся в живых собрать одну роту, чтобы вывести ее на поле боя.

– Но ведь надо что-то предпринять, чтобы остановить Дессалина! – вскричала Элен.

– Конечно. Но, думаю, произойдет это не в ближайшее время. Для вас и остальных белых лучше всего уехать с острова, и побыстрее.

– Но как же мы можем уехать? Что станет с нашими землями, с урожаем?

– Они не принесут вам пользы, если вы окажетесь мертвыми.

И прежде чем Элен успела ответить, экипаж свернул на дорожку и покатил к затемненному дому.

Райан не остановил лошадь перед передней дверью, а продолжал ехать вокруг дома к конюшне и каретному сараю позади него, где послал гнедого сквозь открытые арочные ворота сарая и уже там остановился. Он выпряг животное, отвел его в стойло, а потом оттащил фаэтон в угол. И только после этого повернулся к двум женщинам, которые приехали с ним.

Ожидая Райана, Элен немного успокоилась и огляделась.

Дом, куда они в конце концов приехали, располагался в стороне от дороги, у мыса, возвышавшегося над морем. В ночной тишине девушка расслышала шум прибоя и почувствовала соленые брызги, легким туманом висевшие в воздухе. По сравнению с домом конюшни и сарай

казались слишком большими, а в ближнем углу стоял массивный фургон, предназначенный, видимо, для перевозки больших грузов.

– Почему мы здесь? – тихо спросила Элен, шагая рядом с Райаном.

– Этот дом принадлежит одному из моих деловых партнеров. Я поживу здесь в течение нескольких дней.

Элен бросила на него быстрый взгляд. С тех пор как она вернулась в Сан-Доминго, прошло полтора года. И за это время она достаточно хорошо узнала окрестности, чтобы понять, что усадьба, куда они приехали, принадлежала торговцу-мулату по имени Фавье, правда, ей никогда не доводилось с ним встречаться. Мулаты не вращались в тех же кругах, что и ее семья, а кроме того, Фавье был известен своей замкнутостью. Досужие языки поговаривали, что, в дополнение к своим законным процентам, он имел прибыль и с ввозимых на остров контрабандных товаров. И вдруг Элен ясно вспомнила, где она слышала имя Байяра. Под этим именем действовал один небезызвестный капер[5], хотя некоторое время даже называли его пиратом. Задняя дверь дома распахнулась, прежде чем путешественники успели к ней подойти. На пороге, держа в руках горящую свечу в подсвечнике со щитком, появился сам хозяин усадьбы. Когда они подошли, он быстро увлек их в дом, торопливо захлопнув дверь.

По всей вероятности, в венах Фавье текла всего одна четверть негритянской крови вместо половины, ибо его кожа своим цветом напоминала старый пергамент. Он был невысок и тучен, и волосы его курчавились, и потому он их обильно покрывал помадой со всей тщательностью настоящего денди. Чувствовалось, что торговец-мулат был очень напуган – свеча у него в руке дрожала, а на верхней губе выступили бусинки пота.

– Кто-нибудь видел, что вы повернули сюда? – спросил он, уставясь карими глазами в лицо Райана.

– Никто, насколько мне известно. Надеюсь, ты не будешь возражать, я привез с собой гостей – мадемуазель Ларпен и ее горничную Дивоту. – Райан повернулся к Элен. – Мадемуазель, разрешите мне представить вам месье Фавье.

Элен опустилась в реверансе. Фавье отвесил неуклюжий поклон, и его пристальный взгляд лишь на мгновение, хотя и не очень вежливо, задержался на беспорядке ее платья и волос. Не сказав ни одного слова приветствия, он снова повернулся к Райану:

– Я поджидаю вас уже несколько часов. Где вы были?

– По пути возникли кое-какие беспорядки, и мне пришлось пару раз отклониться от маршрута, а потом надо было захватить мадемуазель Ларпен.

– В самом деле? А вы понимаете всю опасность, которой меня подвергаете?

– Тебя?

– До сих пор мне удавалось держаться в стороне от войны между белыми и неграми и при этом сохранять дружеские отношения с Дессалином, но если он узнает, что я предоставляю кров белому человеку, не говоря уже об этой женщине из семейства Ларпенов, то он в клочья разнесет эту усадьбу. И меня с ней заодно.

– Тогда тебе придется сделать так, чтобы Дессалин ничего не узнал, не так ли? – ответил спокойно Райан.

В свете свечей Элен разглядывала Райана Байяра. Его черные волосы блестели, как полированный грецкий орех. Черты сильно загорелого лица из-за тяжелой складки рта и когда-то сломанного носа, который придавал ему хищный вид ястреба, казались грубыми. Под густыми бровями и за завесой темных ресниц скрывались синие глаза. Его нельзя было назвать кра-

[5] Лицо, занимавшееся захватом (с ведома своего правительства) судов, принадлежавших частным лицам, коммерческих неприятельских судов или судов нейтральных стран, перевозивших грузы в пользу воюющей страны. Каперство было запрещено.

сивым, но был он очень привлекателен. Сила, которую Элен почувствовала в этом мужчине, проявлялась во всем, и прежде всего в осанке, в том, как он стоял перед хозяином дома. Не было ничего удивительного в том, что Фавье так нервничал, потому что спорить с Байяром, по всей вероятности, было нелегко.

– Вам нельзя здесь оставаться! – нервно облизнув губы, выпалил Фавье.

– И куда ты предлагаешь нам отправиться?– Райан посмотрел на него в упор тяжелым взглядом, но его голос прозвучал ровно.

– В город. К французской армии.

– Свой бизнес мне тоже туда забрать? – Фавье застонал, будто предложение Райана причинило ему физическую боль. Вытащив из кармана носовой платок, он промокнул им влажный лоб.

– Вы ничего не понимаете, – выдохнул мулат.

– Думаю, что понимаю. Каждый раз, выходя в море, я рискую ради тебя очень многим, а ты не хочешь отплатить мне своей любезностью, когда мне так необходимо безопасное место, чтобы на время укрыться.

– Вас могут защитить французские солдаты.

– Возможно, если бы леди и я могли до них добраться, – ответил Райан. – Но ты сам мог бы нас укрыть. И передай на мое судно, что мне, возможно, придется покинуть остров. Французы такую любезность оказывать мне не станут. Я думаю, они мои действия не очень одобряют.

«Его судно? Значит, Райан Байяр действительно капер...» Тогда становится понятно, что Фавье с ним заодно, что он продавал товары, которые Байяр доставлял на остров. Элен слышала много историй о торговых авантюристах, которые прикрывали свои грабительские действия на море каперскими свидетельствами, захватывая суда стран, находившихся в состоянии войны друг с другом, а продавали награбленное тому лицу, которое предлагало самую высокую цену. Можно было ожидать, что французы, скорее всего, грабили только суда под британским флагом, но казалось, что Байяр иногда закрывал глаза на цвета флага, если приз бывал достаточно богатым.

Она смотрела на него – на его камзол из темно-синей ткани и консервативный – белый в рубчик – жилет, на его шейный платок, который слегка измялся, когда он дрался с неграми, на его плотно обтягивающие ноги замшевые брюки и начищенные сапоги. Даже с саблей, висевшей у него на поясе и казавшейся более тяжелой, чем шпаги, которые так любят носить большинство мужчин, Байяр выглядел не корсаром, грозой морей, а джентльменом-плантатором. Если бы только не бронзовый цвет его загорелой кожи. Ни один джентльмен из числа знакомых Элен не позволил бы себе так загореть. Ведь такая темная кожа, именуемая как «кофе с молоком», могла бы вызывать слухи и пересуды о том, что в его жилах течет кровь с примесью африканской крови. Нет, она, конечно же, не подозревала этого человека в том, что он мулат. Просто бронзовый цвет его кожи лишний раз подтверждал род его занятий.

Райан, взглянув на Элен, увидел осуждение на ее лице. Причину нетрудно было найти. Это задело его самолюбие. Под пристальным взглядом его прищуренных глаз девушка слегка поежилась и повернулась, чтобы взглянуть на свою горничную. До него донесся аромат ее духов, на который он обратил внимание еще в фаэтоне, когда она сидела прижатая к нему. Наверное, это было глупо, но ему тут же захотелось подойти к ней поближе, чтобы вдохнуть этот чудный аромат, подобный запахам тропического сада под луной.

Неодобрение, с которым эта девушка рассматривала его, конечно же, расстроило Райана. Он обратился к Фавье:

– Ну, хорошо, и как, по-твоему, мы поступим? Ты пустишь свою прибыль по ветру из-за того, что трясешься за свою желтую шкуру, или же станешь вести себя как настоящий муж-

чина? Сделай же свой выбор, в конце концов. У меня на примете имеется еще двое парней, которые ради твоих расписок пару раз пойдут на риск.

Судорога передернула лицо Фавье, и он резко махнул руками.

– Хорошо, хорошо. Не стану лишний раз судьбу испытывать. Если хотите, чтобы вас спрятали, то вас спрячут. Проходите сюда, быстренько, прежде чем одна из моих любопытных служанок не пришла и не стала бы вынюхивать, в чем тут весь сыр-бор.

Дом Фавье не был таким просторным, как дом Ларпенов. Он состоял из шести комнат – три наверху и три внизу – и был окружен со всех четырех сторон галереями, которые защищали внутренние стены от палящего солнца или от ветра с дождем и в то же время позволяли воздуху циркулировать сквозь высокие окна. Интерьер свидетельствовал о вкусе хозяина, о его стремлении к комфорту и роскоши, о чем можно было судить по некоторым признакам. В столовой, куда их привели, в комнате справа на первом этаже, на полу лежал ковер работы Бовэ, исполненный в ярких цветах. На середине ковра стояли длинный стол и стулья красного дерева. На столе возвышались ваза майсенского фарфора с фруктами и в тон ей пара фарфоровых канделябров, в буфете виднелись коллекция столового серебра и набор графинов с винами и бренди.

Поставив на стол свечу, которую держал в руках, Фавье начал отодвигать стулья один за другим. Элен взглянула на Дивоту, а та в ответ на молчаливый вопрос только пожала плечами с выражением недоумения на лице.

Райан такой сдержанности не проявил.

– Если ты собираешься предложить нам гостеприимство, начав со своей столовой, то мы высоко это ценим, но что касается меня, то я не голоден. Нам нужны самые тихие комнаты... скажем, парочка... А нет ли у тебя комнат для прислуги или комнаты на чердаке, которые мы могли бы занять?

Фавье одарил его вызывающим взглядом.

– Из того, что вы требуете, я могу предложить вам только это. Остальные комнаты слишком открыты для посторонних. У меня есть любопытная старуха, которая ведет дом, она сует нос в каждую комнату, а уж если я ей скажу не входить куда-нибудь, то она обязательно захочет узнать, что я там прячу.

– Так запри ее куда-нибудь на несколько дней или отправь подальше.

– Не могу, – кратко ответил Фавье. – Это моя мать.

– В таком случае она вряд ли сможет тебя предать.

– Вы ее не знаете. – Фавье раздраженно пожал плечами и продолжал отодвигать стулья.

Отодвинув наконец от стола все стулья, Фавье приподнял один конец стола и сдвинул из-под него ковер. Потом откатил ковер, и их глазам открылась крышка люка.

– Теперь начинаю понимать, – проговорил Райан.

– Надеюсь, вам это понравится, – ответил Фавье со злобной ноткой в голосе. Закряхтев от натуги, он поднял крышку люка за вделанное в него кольцо и откинул ее на петлях.

Дивота взяла свечу, стоявшую на столе, и низко опустила ее, чтобы осветить ею темное отверстие в полу под столом. Место, которое им показали, было слишком маленьким, чтобы можно было назвать его подвалом или посчитать за комнату. Вырубленное в известняке, на котором стоял дом, это углубление, должно быть, использовалось для того, чтобы время от времени прятать здесь контрабанду, так как оттуда поднимался слабый аромат вина, специй и чая.

Райан, стоявший на колене возле отверстия, чтобы осмотреть углубление, поднялся и сказал:

– Надо бы поискать какое-нибудь другое место.

– Ничего другого, где вас не смогли бы обнаружить, а потом, возможно, и сообщить Дессалину, не имеется.

– Только не говорите мне, – резко сказала Элен, – что ваша мать не знает об этом тайнике.

– Разумеется, она знает, но это место давно не использовалось, а поэтому у нее не будет никаких оснований думать, что там кто-нибудь находится.

– Нам нужно другое место! – Голос Райана прозвучал твердо.

– Другого укромного места больше нет, уверяю вас! Либо это, либо ничего!

– Значит, нет никаких причин для нас с Дивотой здесь оставаться, наверное, нам нужно отправляться в Порт-о-Пренс или туда, где есть французские войска, – тихо проговорила Элен.

– Ну да, конечно, – повернувшись к девушке, ответил Райан, – продолжать делать то, что вы делали, когда я натолкнулся на вас час или два назад...

Элен холодно посмотрела на него. Фавье перевел взгляд с Элен на Райана и вытер со лба пот.

– По-моему, в этих спорах мы теряем время. С каждой минутой опасность только увеличивается. А сообщение на ваше судно, Райан, я смогу передать только в течение нескольких дней – дня через три или четыре скорее всего.

– Вы же не знаете наверняка, насколько серьезна обстановка вокруг, – сказала Элен. – Мы лишь предполагаем, что Дессалин отдаст приказ начать массовое выступление. Возможно, нам стоит переждать и посмотреть, как будут развиваться события.

– Да, и к тому времени каждый раб на острове будет знать, где вас искать, если предположить, что Дессалин захочет выслеживать каждого белого. Вы знаете, что он делает с белыми женщинами? Знаете? – прошипел Фавье.

Дивота поставила на стол свечу, которую до сих пор держала под столом, и встала перед Элен, закрывая ее собой.

– Она-то знает, дурак ты эдакий. Ты только посмотри на нее.

– Насколько я вижу, ее не мучили и не пытали. Пока что... – мрачно улыбнувшись, проговорил Фавье.

Дивота повернулась к нему спиной и обратилась к Элен:

– Потерпи это заточение в течение парочки дней, chere. Если дела пойдут не так, как мы предполагаем, тогда сможем снова отправиться в Порт-о-Пренс, ты и я.

– И что потом? – внезапно охрипшим голосом спросил Райан. – Моряки считают, что Амьенское соглашение провалилось. Война с Англией может быть объявлена в любую минуту... И я нисколько не сомневаюсь, что англичане помогут Дессалину в борьбе с французами хотя бы тем, что установят блокаду острова. А это превратит Сан-Доминго в склеп, из которого никому не будет спасения. Одним лишь сигналом барабанного боя Дессалин немедленно поднимет больше ста тысяч человек. Из направленной сюда Наполеоном двадцатитысячной армии больше четверти уже умерли от лихорадки, другая четверть, а возможно и больше, не в состоянии воевать. И что вы выберете – бегство или сдачу в плен?

Элен строго посмотрела на него:

– Я не знаю, месье, что мне делать. Я потеряла всю свою семью, у меня нет ни друзей, ни денег... Наконец, у меня нет судна, которое меня ожидает!

– Вы могли бы уехать со мной.

Высказав такое неожиданное даже для себя предложение, Райан поначалу растерялся, но тут же взял себя в руки. В конце концов, если у него возникнут проблемы, он справится с ними... когда они возникнут. Теперь он ожидал ее ответа.

– Уехать с вами?

Голос Элен показался ему безучастным.

– В Новый Орлеан.

– Но я не...

– Ради Бота! – закричал Фавье. – Вы сможете обсудить все ваши дела позже, у вас впереди целых три дня. А сейчас, прошу вас, спрячьтесь, пока всех нас не обнаружили и не рассекли на части, к полному удовольствию Дессалина.

Райан выругался, а потом, резко присев, нырнул под стол. Он прыгнул вниз, в зияющее отверстие, и поднял голову и руки вверх, ожидая Элен, чтобы помочь ей спуститься. Девушка опустилась на колени и вдруг заколебалась.

– Да спускайтесь же! – простонал Фавье с раздражением.

Крепко сжав губы, Элен подползла к краю дыры и рывком опустила туда ноги. Райан поднял ей навстречу руки. Спрыгивая, она упала на его грудь, прижимаясь к нему всем телом. Потом Райан осторожно опустил Элен на ноги, и они подняли головы к свету.

Толстый Фавье, задыхавшийся от рвения и усилий, казалось, сложился под столом пополам и поспешно потянулся к крышке люка, чтобы закрыть ее.

– Подождите! – воскликнула Элен. – Дивота, иди сюда!

– Вам там будет слишком тесно, – быстро возразил Фавье.

– Да, но...

– Не волнуйся, chere, со мной вес будет в порядке, – покачала головой Дивота. – Людям с такой кожей, как у меня, нет необходимости прятаться вот так. Зато, оставшись наверху, я смогу позаботиться о вас, – спокойно проговорила она, бросив на Фавье вызывающий взгляд. Пусть он только попробует ее остановить, она не позволит Райану и Элен голодать.

– Ты подвергаешь себя опасности. Вдруг кто-нибудь узнает, что ты из имения Ларпен, – возразила Элен.

– Не бойся, я что-нибудь придумаю, – успокоила ее Дивота.

Когда Фавье опускал крышку люка, Райан, подняв руку, придержал ее над своей головой и попросил, чтобы тот оставил им с Элен свечу.

Недовольно заворчав, Фавье все-таки протянул свечу.

– Вы должны пользоваться ею только в крайнем случае. В полу имеются щели, через которые свет будет пробиваться наверх.

– Мы же не идиоты, – попытался возразить ему капер решительным тоном, но крышка люка с глухим стуком уже закрылась над ним.

Они услышали голос Дивоты:

– Сейчас я принесу вам еды, воды и чего-нибудь такого, чтобы вы смогли поудобнее устроиться.

Потом они услышали, как Фавье приказал горничной Элен, чтобы та говорила потише... И наверху вскоре воцарилась тишина.

Свеча мерцала во мраке подземелья. И Элен и Райан бездумно уставились на ее пламя, чувствуя, как стены подвала давят на них. Элен при своем среднем росте могла еще выпрямиться, и тогда ее макушка доставала до крышки люка. Райану же приходилось наклонять голову, и из-за этого он все время находился в неудобном положении. Тайник Фавье, в который они попали, своими размерами не превышал трех метров в длину и полутора в ширину. Люк, по-видимому, был врезан в деревянный пол комнаты над ними, а не в камень стен, так что в полу под домом оставалась узкая щель, через которую проникал воздух. С деревянных балок и с половиц над ними свисали пыльные гроздья паутины. Яма, наверное, полюбилась паукам.

Тайник был пуст, правда, в углу лежала небольшая кучка джутовых мешков. Поставив свечу на пол, Райан встряхнул мешки и расстелил их двумя опрятными стопками у одной стены. И после этого опустился на одну из них.

– Садитесь и вы, – обратился он к Элен тоном, полным иронии. – Мы можем здесь очень удобно устроиться.

– Это уж точно, – ответила Элен, присаживаясь на другую стопку мешков, которую он приготовил.

Только сейчас девушка поняла, насколько она устала. Откинув голову назад, к каменной стене, она закрыла глаза. И тут же кошмарные сцены случившегося в ее доме навалились на нее. Она быстро открыла глаза. Перед нею стояла свеча, от которой исходил желтый свет – и успокаивающий, и вызывающий беспокойство.

– Вам не кажется, что нам стоит загасить свечу? – спросила Элен.

– Когда вернется ваша горничная.

Она поняла смысл его слов. Стараясь больше ни о чем не думать, девушка сидела, наблюдая за дрожащим пламенем свечи. По стенамметались причудливые тени, а паутина, висевшая над ними, колыхалась от теплого воздуха свечи.

Райан взглянул на сидящую возле него девушку. Что-то в ее неподвижности встревожило его. Он вдруг подумал обо всем, что с нею случилось за последние несколько часов, хотя сведения эти он почерпнул из слов ее горничной в тот момент, когда Дивота просила его о помощи. Было удивительно, если бы из-за всех пережитых ею за этот вечер событий она не почувствовала потрясения. Глупый Фавье, по крайней мере, мог бы предложить им выпить чего-нибудь спиртного. Да и сам мог бы выпить глоток бренди с ними.

– Жаль, – достаточно громко проговорил Райан, – но это не совсем то, что я имел в виду, когда предлагал вам укрытие здесь.

Ее губы, скривившиеся было в улыбке, вдруг застыли.

– Некоторые люди боятся замкнутых пространств. Если вы тоже боитесь, то скажите, и я заставлю труса и хитреца Фавье найти для нас другое место.

– Не сказала бы, что это место мне очень нравится, но, думаю, смогу снести и это, – ответила она не сразу.

По ее ответу Райан понял, что перед ним храбрая девушка. «Конечно, храбрая! Она с такой яростью боролась с двумя неграми...»

– Я вполне серьезно говорил о поездке в Новый Орлеан, – продолжал он. – У меня там много друзей, которые смогут помочь нам устроиться.

Райан подумал, что среди его друзей нашлось бы немало таких, кто захотел бы позаботиться об этой женщине. Она и в самом деле была на редкость хороша.

Крышка люка над ними вдруг открылась. Райан вскочил на ноги и принял из рук Дивоты охапку стеганых одеял, буханку хлеба, жареного цыпленка и несколько фруктовых пирогов, завернутых в салфетку, к тому же по бутылке бренди и вина, кувшин воды для питья и бокалы. Когда он передал все это Элен, горничная передала ему последний предмет для удобств – ночной фарфоровый горшок с крышкой, расписанной розами.

– Вам еще что-нибудь понадобится? – тихо спросила Дивота.

Райан вопросительно посмотрел на Элен, но та в ответ только покачала головой.

– Фавье просит вас говорить потише. Ему кажется, что он слышит ваши разговоры.

– Мы постараемся, – мрачно сказал Райан.

– Может быть, до завтрашнего вечера я не смогу ничего принести. Если так получится, то не подумайте, что я о вас забыла.

– Нет, мы так не подумаем.

– Тогда спокойной ночи, – проговорила Дивота, и люк над ними закрылся снова.

Райан поставил ночной горшок в дальнем углу, потом опустился на колени на пол и начал накрывать стол, расставляя переданные им еду и напитки.

– Вы желаете съесть чего-нибудь? – спросил он Элен.

– Спасибо, нет.

Повернувшись к нему спиной, Элен стала расстилать стеганые одеяла поверх джутовых мешков. В этом тайнике просто не оставалось места, чтобы сделать из них что-нибудь, кроме единственной постели, если они собирались улечься спать одновременно. А лечь им пришлось

бы все равно, не могли же они сидеть все ночи напролет без сна, в течение трех суток. Ей и каперу предстояло растянуться рядом. «Вместе? Здесь, в этой дыре?..»

Элен сидела, растерянно глядя на разостланные перед нею стеганые одеяла. За спиной звенело стекло бокалов, раздавались звуки булькающей жидкости.

– Возьмите, – услышала она грубый голос Райана, – и выпейте это.

Элен повернулась, чтобы посмотреть на него, чувствуя, что он стоит на коленях слишком близко от нее. Она встретилась взглядом с его темно-синими, пристально глядевшими глазами и увидела там пламя пылающей свечи. С трудом сглотнув, она потянулась дрожащими пальцами к бокалу бренди, который ей предлагали.

Жар бренди заполнил все ее тело живительной теплотой. От этого ощущения ее охватила дрожь. Она осторожно отпила еще, бережно держа бокал обеими руками.

Райан легким кивком выразил свое удовлетворение и поднял свой бокал:

– За Новый Орлеан!

Она еще не сказала, что поедет вместе с ним, но и отказаться пить за его родину она не могла.

– За Новый Орлеан! – повторила она его тост и отпила еще раз из своего бокала.

Райан чуть изменил позу, опустившись на постель, которую она приготовила. Он покрутил бокал, будто перемешивая бренди, и закрыл глаза.

Краешком глаза взглянув на него, Элен снова отвернулась. Она глубоко вздохнула и робко подвинулась, чтобы улечься возле него.

– Я думаю, – сказал Райан безразличным тоном, – что нам, пожалуй, стоит экономить свою свечку. На щедрость Фавье рассчитывать не приходится, тем более надеяться, что он даст нам другую.

– Да, скорее всего, так оно и будет, – ответила она.

Протянув руку к свече, он пальцами загасил пламя. Темнота сомкнулась вокруг них.

# ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Элен почувствовала приятную легкость в мыслях и ощущение расслабленности мышц.

Она не винила Райана Байяра за то, что он предложил ей бренди, он же не заставлял ее пить бокал до дна. И уж конечно, никак не могла заподозрить его в том, что, предлагая ей выпить с ним, этот мужчина преследовал определенные цели. Элен даже чувствовала к нему благодарность за этот порыв. Он не мог, наверное, и предположить, что из-за пережитого она была на грани нервного срыва.

А может, Байяр это знал. Такой мужчина, как он, наверняка имел богатый опыт общения с женщинами. К тому же, капер он или пират, он должен был часто сталкиваться с перевозбужденными людьми – с мужчинами и женщинами, у которых он отнимал деньги, драгоценности и товары.

Впрочем, ей не было никакого дела до опыта общения Райана Байяра с женщинамии с кем-либо еще. Три дня, которые им предстояло провести вместе, пролетят очень быстро. А потом они навряд ли когда-нибудь еще встретятся.

Элен вовсе не одобряла образ жизни Райана. Но при этом надеялась, что не показала ему своего неодобрения слишком открыто: было бы не очень прилично судить человека, который спас ей и жизнь, и честь.

И тем не менее она считала, что человек все же должен чувствовать хоть какую-то лояльность к своей стране, к родине своих предков. В жилах Райана Байяра текла французская кровь, если судить по его фамилии и по тому, как он изъяснялся на языке, который, очевидно, знал с колыбели. «И почему он в таком случае нападает на французские суда, когда ему следовало бы охотиться за судами противников Франции?»

Правда, в эти дни очень трудно было решить, какую же фракцию в правительстве страны следует поддерживать. Отец Элен слыл ярым роялистом, который жестоко критиковал Наполеона Бонапарта, называя его «корсиканским выскочкой с претензиями на славу». Сама же она, после своего временного пребывания во Франции, почувствовала, что ей стал близок лозунг «Liberte, egalite et fraternite»[6], хотя эксцессы революции вызывали в ней такое же отвращение, как и события на Сан-Доминго. И все-таки Элен казалось, что она не имела права забывать о том, что она француженка, независимо от того, кто правил в ее стране.

– Вашей горничной Дивоте можно доверять? – услышала она тихий голос Райана.

– Конечно, можно!

– Слово «конечно» здесь неуместно. И если вы доверяете ей только потому, что знаете ее всю свою жизнь, то это совсем не означает, что ей не захочется увидеть вас с перерезанным горлом.

– Если бы она хотела этого, ей было бы достаточно оставить меня вечером в лесу, – ответила Элен, вздрогнув. – Сомневаюсь, что без нее я смогла бы вовремя улизнуть из дома на нашей плантации и тем более добраться до леса. А кроме того, она не просто рабыня.

– Даже если вы хотите сказать, что она вам родственница по крови, все равно это никак не может гарантировать ее доброту и верность. Но я поверю вам, тем более ее имя в переводе означает – преданная и благочестивая.

– Принимая во внимание наше с вами положение, – тихо, но с легкой ехидцей в голосе сказала Элен, – вам не остается ничего, кроме как положиться на мою горничную.

– Вы неправы. Если предупредить человека, он сможет сделать очень многое, чтобы устранить угрозу, – бесстрастным голосом возразил Райан.

---

[6] Главный лозунг французской буржуазной революции – «Свобода, равенство и братство!».

– Как вы можете думать о том, чтобы причинить вред Дивоте, если она только что принесла еду и все, что обеспечит нам некоторые удобства в таких условиях?

– А сколько людей из тех, что напали на ваш дом сегодня вечером, до этого только тем и занимались, что обеспечивали вам комфорт?

– Я... я бы предпочла об этом не задумываться.

Элен снова отвернулась от него. Аромат ее духов незаметно окутывал его. Под действием этого и паров бренди в его голове предательски возник образ его самого, уже распахивающего разорванный корсаж платья Элен...

Он представлял, как зарывается лицом в мягкую ложбинку между ее грудями, вдыхает этот мучительный аромат и ищет его источник. Райану пришлось поставить на пол свой бокал и сжать пальцы в кулаки, чтобы не дать им воли.

Спустя некоторое время он сделал долгий, почти беззвучный выдох, словно успокоился. И все же, когда он заговорил, его голос звучал напряженно:

– Здесь становится немного душно. Вы не будете возражать, если я сниму камзол?

– Нисколько, – ответила Элен, и в ее голосе послышалась фальшивая нотка удивления.

– Вас что-то рассмешило? – спросил он.

– Нет, просто... просто ваш вопрос прозвучал немного формально, если учесть, что в течение последнего часа я щеголяла перед вами в разорванном, наполовину открывающем спину платье... – насмешливо проговорила Элен.

Повисла пауза, и вдруг она заговорила снова. Теперь голос ее дрожал.

– Я вспомнила, что эта ночь должна была стать моей брачной ночью... А я волею судеб оказалась с вами, с человеком, которого никогда раньше даже не встречала...

– Я хорошо вас понимаю, – прервал ее Райан.

Элен же не была уверена, что этот мужчина правильно понял ее... Правда, ей показалось, что и себя-то она не слишком хорошо понимала. Каким-то непостижимым образом сложилось так, что ей почему-то больше нравилось вынужденное заточение с Райаном Байяром, чем ожидавшая ее перспектива выносить затворничество в спальне с Дюраном. Она чувствовала, что на время обрела облегчение, за которое ей, возможно, придется расплачиваться.

– А ваш жених... Его что, убили?

По тихим шуршащим звукам Элен поняла, что Райан снимает свой камзол. Она подумала, что он его собирается, наверное, положить в головах их постели, как подушку. Последовавшие за этим шорохи и шелест ткани говорили о том, что он развязывает и снимает с себя галстук-шарф, расстегивает ворот рубашки.

– Не знаю, что стало с Дюраном, – слегка сдавленным от спазма голосом ответила она. – Я потеряла его из виду, когда он исчез в толпе во время схватки.

– В таких случаях всегда остается надежда, что человек выживет.

– Естественно.

– Уверен, что он храбро сражался.

Элен тоже была в этом уверена. Хотя Дюран, казалось, не ставил перед собой высоких целей в жизни и стремился только получать удовольствия, выжимая для этого средства из своей плантации сахарного тростника, однако едва ли можно было отказать ему в мужестве и храбрости.

– Да, – прикрыв глаза, слабым голосом ответила Элен.

Мужчина, сидевший рядом с ней, потянулся за своим бокалом бренди и рукавом нечаянно дотронулся до ее руки. Элен резко отодвинулась от него. А мгновение спустя удивилась своему порыву – когда они ехали в его экипаже, она сидела гораздо ближе к нему, чем теперь. «Почему же я так среагировала на его прикосновение?» – подумала Элен.

Элен постаралась переключить свои мысли на укрытие, в котором они оказались.

– Что же это за сооружение, как вы думаете? – спросила она. – Нет ли в нем туннеля?

– Думаю, что туннель собирались прорубить от этого подвала сквозь скалу до самого пляжа. Но когда на остров вернулись французы, Фавье прекратил работы, испугавшись.

– Кстати, о Фавье. Насколько я наслышана о Дессалине, его мало беспокоят мулаты, он стремится изгнать с острова только белых. Так почему его должны пожалеть, как говорит сам Фавье, если начнется массовая резня?

– Думаю, из-за взяток, которые Фавье щедро раздает. Хочется надеяться, что он все же не решится выдать двоих белых на радость Дессалину ради спасения своей желтой шкуры.

– Выдать нас? И это... возможно? – В голосе Элен от ужаса послышалась хрипота.

– Очень даже возможно, если его как следует припрут к стенке. Единственное, что его заставит подумать об этом дважды, так это боязнь, что я дотянусь до его горла раньше, чем Дессалин дотянется до меня, – заключил Райан.

– Значит, вы думаете, что его страх обеспечит нам безопасность?

– Иногда страх человека становится более надежной гарантией, чем его добрые побуждения и намерения.

– Замечательно! – произнесла она с язвительной ноткой в голосе.

Райан рассмеялся и отпил еще один добрый глоток бренди. Может, ему стоило промолчать и не признаваться ей в том, что он не доверяет Фавье? Но ему хотелось предупредить ее на тот случай, если им вдруг придется действовать очень быстро.

– Мне кажется, вы хорошо знаете этого человека, – продолжала она. – По всему видно, он ваш давний партнер.

– Да, я знаком с ним давно.

– До нас иногда доходили слухи о его занятиях. И если вы мне позволите... и о ваших.

– Я польщен.

– Гордиться нечем. Слухи о вас были отнюдь не лестными...

Наступила непродолжительная пауза, после которой Райан сказал:

– Насколько я понимаю, у вас нет особого расположения к таким морским торговцам, как я.

– Да, пожалуй... Вы называете себя капером. Скажите, а под чьим флагом вы плаваете?

– Мое судно, как и большинство занятых в этом бизнесе судов, зарегистрировано в Картахене, – ровным голосом пояснил Райан. – И у меня имеются каперские свидетельства как от Англии, так и от Франции, поскольку эти государства находятся в состоянии войны.

– Значит, вы сделали свои капиталы, нападая на испанские и французские суда под английским флагом, а на британские – под французским, тогда как сами живете в испанской колонии? Вы насмехаетесь над Фавье, но, насколько я могу видеть, сами ненамного лучше его!

– Откуда вы взяли, что я нападал на испанские суда? – мягко проговорил Райан.

– А разве об этом никто не знает? Они же богаты, эти испанцы, и к тому же так вызывающе ведут себя на своих огромных и неповоротливых судах, что становятся легкой добычей любого пирата.

– Капера, а не пирата. Между нами имеется некоторая разница, – поправил ее Райан.

– Только не говорите, что каждый раз вы соблюдаете условия состояния войны и заключенные перемирия, чтобы предъявлять соответствующие каперские свидетельства, если подворачивается приличная добыча, которой можно воспользоваться?

– А не приходило ли вам в голову, что грабить суда моего доброго короля Карлоса – опаснейшее предприятие, не говоря уже о том, что и глупое, поскольку я живу под его короной?

– Понимаю. Но в таком случае, отказываясь от грабежей испанских судов, вы проявляете больше страха, чем лояльности. – Элен с легкостью бросала ему в лицо обидные слова.

«И это после того, что я для нее сделал?.. Да как она смеет!..» Райан постарался заглушить свой гнев.

– Вы не имеете представления об этих делах! – возмущенно крикнул он.

– Я знаю только то, что вы француз, который грабит своих соотечественников.

– Я не француз.

– Но ваша речь... – начала было Элен.

– О да, безусловно, я говорю по-французски, и кровь в моих жилах французская, хоть и обильно сдобренная ирландской кровью одного из сподвижников Александра О'Рейли, которому довелось пожить какое-то время в Новом Орлеане и завоевать сердце моей бабушки. Однако, с юридической точки зрения, я испанец еще со времен Людовика Пятнадцатого. Мой прапрадед присягал ему на верность, но король Франции отдал мою страну своему кузену, королю Испании, так, будто отделался от слишком требовательной и расточительной любовницы. Тем не менее один из братьев моего деда погиб под Новым Орлеаном в восстании против испанского правления, когда те попробовали установить республиканский строй в Новом Свете. Дряхлый испанский губернатор Нового Орлеана Сальседо вместе с Моралесом, в нарушение договора 1793 года, отменили права граждан Соединенных Штатов делать денежные вклады в банки и хранить товары в Новом Орлеане. Поэтому американцы прекратили доставку своих товаров в портовые склады, торговля почти прекратилась. А это поставило под угрозу доходы местных купцов и озлобило американцев, которые пригрозили вооруженным вторжением. Так с чего бы мне любить испанцев? Но тогда вы спросите, кто я такой?

– Вы француз, и я уверена, знаете об этом не хуже меня, поскольку больше двух лет назад Карлос Испанский вернул Луизиану Наполеону.

– Да, но Карлос затягивает подписаниедоговора, а у Бонапарта находятся другие дела... Франция официально так и не вступила в права владения Луизианой. До сих пор в ней вершат делами испанские алькальды[7], а испанский губернатор только председательствует на скучных и благопристойных заседаниях общественных собраний. Вот потому-то я и считаю себя испанцем...

– Это не имеет ни малейшего значения, – с некоторой горячностью сказала Элен. – Вы должны принимать во внимание интересы людей той страны, из которой родом.

– Я считаю себя подданным Луизианы и не нападаю на суда, которые направляются с грузами для наших торговцев, среди которых у меня много друзей.

– Я не это хотела сказать.

– Вы считаете, что я должен идти на всех парусах против врагов Франции? Да, я так поступаю, когда они нагружены золотом и товарами.

– Вы намеренно искажаете мои слова. Ответьте, у вас что, не сохранилось никаких добрых чувств к Франции? – кипела возмущенная Элен.

– О какой Франции вы говорите? О той, которая распутничала и азартно играла в Версале, время от времени бросая Луизиане жалкие гроши, чтобы не довести до голодной смерти колонистов, отправленных на поиски несметных богатств для пополнения королевских сундуков? Или, быть может, вы имеете в виду Францию, которая спускала кровь своих граждан в парижскую канализацию, а теперь развернула большую военную кампанию, которая удобрит поля Европы французской молодежью? Нет уж, избавьте меня от проповедей на тему о лояльности и верноподданничестве. Свои надежды на лучшее я связываю с тем, что политика Наполеона вызовет такую ненависть со стороны тех, кого перевозят в Новый Свет, обрекая на смерть от болезней, как это случилось на Сан-Доминго, что он в конце концов продаст Луизиану представителям Соединенных Штатов, и мы станем республикой.

– Вы, должно быть, сошли с ума?! Он никогда на такой шаг не пойдет.

– Вы хотите сказать, что он слишком благоразумен, чтобы лишиться лучшей части одного из самых плодородных континентов мира, лишь бы заполучить титул императора Франции?

[7] Должностные лица, исполнявшие полицейские и прочие правоохранительные функции (исп.)

Да Наполеон никогда и не видел Луизианы! Более того, глаза ему затмил блеск европейских корон.

– По-моему, Наполеон не стремится стать императором. Да и народ Франции этого не допустит.

Элен бросила на Райана гневный взгляд, который он, к сожалению, в темноте не мог разглядеть.

– Неужели? Мне кажется, французы уже устали от того, что ими правят серые политики, занятые лишь постоянной полемикой друг с другом. Каждый француз мечтает о монархе...

– Ну а вам-то откуда это знать, – спросила она с явной насмешкой, – если вы только и бороздите моря между Новым Орлеаном и Картахеной, никогда не покидая пределы мельничного пруда под названием Карибский бассейн?

– Карибы, моя дорогая, – это самый коварный мельничный пруд, созданный Богом, но я, к вашему сведению, хожу и в Гавр, и в Марсель. Я дотрагивался до дворцовых камней Лувра, опускался на колени в Соборе Нотр-Дам, пересекал мост Понт-Нёф, гулял с девицами отнюдь не самых строгих правил по извилистым улочкам Монмартра, бывал и в салонах жен наполеоновских генералов. И после этого вы можете считать меня провинциалом?

– Да, но не за то, что вы шлялись с девицами! – ответила она ему с не меньшим жаром.

– Вряд ли, – тихо рассмеялся Райан.

– Знаете, а вам совсем не к лицу этот тон превосходства! Я жила во Франции в период Большого террора, да и после него. И вернулась оттуда всего полтора года назад.

– Напрасно вы это сделали. О чем только думал ваш отец?

– Его поместья расположены главным образом здесь. Это... – Она не собиралась рассказывать ему о себе, но... слова вырвались сами... Погиб ее отец... был убит на ее глазах... – Я не желаю об этом говорить... – Ее голос опять задрожал.

Райану вдруг захотелось обнять ее, успокоить. Он допил остатки бренди и с резким звенящим стуком опустил бокал на каменный пол рядом с их постелью.

– Пейте свой бренди и перестаньте думать о вещах, которые вы уже не можете изменить, – мрачно сказал он.

– Вам-то легко говорить! – взорвалась она, поворачиваясь к Райану. – Вам не приходилось видеть, как вашего о-отца уби-вают прямо на глазах...

– На моих глазах убивали многих близких, друзей. Тяжело не только вам одной...

– Благодарю покорно за такую поддержку...

– Вы-то по крайней мере живы, – продолжал Райан.

– Вы самый бесчувственный и беспринципный бродяга из всех, кого мне приходилось встречать! – яростно прошептала Элен. – Не могу дождаться, когда нас выпустят, чтобы убраться от вас как можно дальше!

– Из этого следует, что вы со мной в Новый Орлеан не поедете? – спросил Райан очень спокойно.

– И не подумаю.

– Значит, не имеет значения даже то, что я убил двоих ради вашего благополучия? Уверен, что вы собираетесь отправиться туда и обильно полить слезами их останки. Но надеюсь, что вы сумеете отблагодарить и меня, позже конечно, за то, что я вырвал вас из их когтей.

Ощущение смутной тревоги поднялось в душе Элен.

– О чем вы говорите?

– Неужели вы могли забыть об этом так быстро? Двоих мужчин... в лесу...

– Разумеется, я не забыла!

– Только не говорите, что вы не очень высоко цените свое спасение.

– Да, но...

– Не станете же вы утверждать, что вам несвойственно чувство благодарности? Или способность признать за собой долг? Я даже не могу себе представить, что человек с такими высокими принципами, как ваши, будет долго раздумывать над тем, как меня вознаградить...

– У меня нет ни малейшего представления о том, что вы имеете в виду. Вы прекрасно знаете, что у меня ничего нет.

– Ну, в данном случае это не так уж и важно... С вами ваша сладкая и ароматная персона.

– На что вы... намекаете?.. Вы не можете ожидать, что я...

– Слова вас выдают, я это вижу. Не хотите ли вы сказать, что я не мог бы ожидать от вас тех же самых привилегий, которые вам пришлось бы предоставить своему жениху, или, пожалуй, он сам бы ими воспользовался по праву сегодня ночью?

– Думаю, подобные вещи, несомненно, уже приелись таким распутникам, как вы! – с гневом и раздражением воскликнула Элен.

– Нет и нет, уверяю вас. До сих пор нахожу их бесконечно приятными, так же как и дамы, которым я таким образом оказываю честь.

– Я не стану делать ничего подобного! – заявила она возбужденно.

– Позвольте заметить, что ваша самонадеянность и откровенная злоба переходят все границы. Я вам ничем не обязан. Слышите, вы? Ничем! И мне доставит огромное удовольствие, если вы больше не станете со мной заговаривать.

Над их головами послышались шаги.

– Потише, вы там, внизу! – прошипел Фавье.

Они замолчали.

Элен очень удивилась тому, что оказалась вовлеченной в ссору с Райаном Байяром и забыла об опасности, которая им угрожает. Обнаружив, что до сих пор держит в руке свой бокал с бренди, она сделала большой глоток и задохнулась. И каким же крепким он ей показался! Элен сразу же почувствовала, как у нее закружилась голова. Она вспомнила, что с раннего утра ничего не ела, если не считать утреннего кофе и булочки. Правда, ближе к вечеру, когда она одевалась к свадебной церемонии, Дивота предложила ей кусочек мяса и булочку, но она отказалась. После церемонии бракосочетания планировалось большое пиршество. Теперь можно было не сомневаться, что рабы, охваченные радостью победы, получили большое удовольствие от роскошных и обильных яств, которые готовились в течение нескольких предшествовавших свадьбе дней.

Ей и в самом деле больше не стоило пить, но, побоявшись расплескать остававшийся бренди, когда в темноте будет ставить бокал, Элен быстро его допила. А потом, встав на колени, потянулась, чтобы поставить бокал в сторонку, к тем вещам, которые принесла Дивота.

– Что вы делаете? – спросил Райан.

Раздавшийся так близко голос немного напугал ее, и она рванулась было в сторону, но в кромешной тьме потеряла равновесие. Не удержавшись на коленях с бокалом в руке, она с придушенным от боли вскриком упала на локоть, прежде чем успела сжать губы.

Крепко схватив ее за руки, Райан притянул Элен к себе.

– С вами все в порядке? – спросил он.

– Я... в превосходном виде! – раздраженно ответила девушка. – Но если вы отпустите меня, я почувствую себя еще лучше.

– Непременно отпущу.

Его хватка ослабла, и она рывком поднялась, отставила бокал и снова опустилась на постель подальше от него, прижавшись спиной к стене. «Отвратительный и надоедливый мужчина, – подумала Элен. – Ему послужило бы уроком, если б я кинулась в его объятия. Он стал бы постепенно сходить с ума от желания обладать мною, потому что я, конечно же, не позволила бы ему снова дотронуться до себя. Как ему это понравилось бы...»

Смех заклокотал внутри нее, и ей пришлось зажать рот ладошкой, чтобы он не вырвался наружу. «Боже, да я, кажется, опьянела!» – пронеслось в голове.

– Вы плачете? – спросил Райан.

– Нет, я не плачу.

– Тогда что с вами?

– Ничего. Почему со мной что-то должно произойти? Просто я видела десятки людей, погибших в страшных муках, и большинство из них были моими друзьями и соседями, не говоря уже о том, что вынуждена была скрыться, оставив тело отца незахороненным и неоплаканным. Я избежала смерти, от которой была на волоске, и только для того, чтобы не оказаться изнасилованной. А теперь сижу, запертая в могиле, с чужим мужчиной, тогда как в доме находится совершенно не заслуживающий доверия индивид, который может сдать меня маньяку, получающему наслаждение от пыток и истязаний женщин. Так что я счастлива, как невеста. И никогда не чувствовала себя более счастливой. Даю слово!

– Ладно, это был глупый вопрос. Вам лучше всего было бы прилечь и попытаться уснуть, – ласково проговорил Райан.

– Спасибо, не хочу.

– Я вот тут раздумывал над тем, какой разумной леди вы проявили себя, не падая в обмороки и не выдавая своих эмоций. Мне, пожалуй, следовало понять, что вы были слишком потрясены, чтобы суетиться и жаловаться.

Элен повернула голову, чтобы вглядеться в его темнеющую фигуру.

– Какая жалость для вас, что я начала приходить в себя!

– Да, – сказал он и вздохнул.

– Вы меня дразните, – хмуро заметила Элен.

– Я?

– Только не пойму – зачем?

– Проявление моей легкомысленной натуры...

– Да нет, – возразила она. – Я могла бы догадаться, что вы просто заботитесь обо мне.

– Вы клевещете на меня, – сухо ответил Райан, подумав, что ему стоит вести себя осторожнее с умненькой мадемуазель Элен Ларпен. «Она весьма проницательна».

– Неужели? – удивилась Элен.

Райану показалось, что молчание было бы лучшим его ответом.

Текли минуты. Голоса наверху стихли, словно все в доме Фавье улеглись спать. Но сквозь щель в фундаменте дома можно было расслышать далекий шорох волн да время от времени возникавший под порывами ночного ветра шелест пальм и приморских виноградников.

Элен склонила голову, вслушиваясь в отдаленные шумы.

Наконец она спросила:

– Ваше судно, с которым Фавье поддерживает связь, где оно?

– Где-нибудь поблизости от берега.

– Вы хотите сказать, что точно не знаете? А я бы знала.

– Что ж, мне не казалось разумным бросать якорь у Кап-Франсэз.

– Неразумно было вообще приходить на остров, – сказала Элен спокойно, но сурово.

– Мне надо было доставить груз.

– Не сомневаюсь, что он захвачен у французских торговцев!

– Так случилось, что у англичан.

– В ожидании того, что война между Британией и Францией все же возобновится?

– Совершенно верно.

– Полагаю, что вы только перевезли его в какую-нибудь защищенную бухточку неподалеку, а потом перебросили груз к Фавье?

– Именно так. И бухточка как раз находится перед этим домом, если говорить откровенно, – ответил Райан.

– А ваше судно тем временем отошло от берега, чтобы поджидать вас там, пока вы не завершите свой бизнес.

– Каким чудным капером вы могли бы стать!

– Да перестаньте же глумиться! – прошипела Элен. – Я только пытаюсь сообразить, каким образом Фавье сумеет передать на судно ваше сообщение о том, что вас надо забрать отсюда?

– Для этого будет достаточно светового сигнала с мыса.

– Но только в том случае, если на судне догадаются подойти к берегу близко.

– Точно.

– Значит, только через три дня станут искать ваш сигнал.

– Поздравляю, вы очень догадливы! – сказал Райан.

– Было бы лучше, если б вы сами мне все объяснили.

– Но ведь вы получили удовольствие от того, что самостоятельно докопались до истины.

– Еще большее удовольствие я получила бы, если б увидела, что вас вешают как пирата, – проговорила Элен. – Но для полного счастья мне этого не нужно.

– Как мне повезло! На этом острове все такие кровожадные, – сказал Райан с шутливой серьезностью. – Наверное, это от климата.

– А вы противный, – устало отозвалась Элен.

– Несомненно. Если я оставлю за вами последнее слово, вы ляжете спать?

– А могу я знать, не опасно ли это для меня? – спросила она.

– О нет, знать этого вы не можете, зато это шанс, который должны использовать, не так ли?

# ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Элен себя не узнавала. Ее раздражал Райан Байяр, и от этого она его намеренно оскорбляла. Он ее провоцировал самым непозволительным образом, однако ей не следовало забывать того, что он сделал для нее этим вечером.

Элен прекрасно понимала, что ей ничего не грозит. И кроме того, знала, что высказанное ею сомнение в этом должно обидеть его. Все в поведении Райана говорило лишь о его благородстве, которого вряд ли можно было бы ожидать от обычного капера.

Райан, лежавший рядом, пошевелился. Элен взглянула на него, не поворачивая головы. Она ждала, что он заговорит с ней. Но прошло уже несколько минут, а она не услышала от него ни слова и тогда снова взглянула на него с тихим вздохом.

Райан не мог припомнить, когда его так сильно волновала какая-нибудь женщина вроде этой, рядом с ним. Он злился на нее, и в то же время им владело почти неудержимое желание обнять ее и не выпускать из своих объятий.

Он с самого начала опасался того неудобства, которое им доставит замкнутое пространство этого тайника, где совсем невозможно двигаться, но еще больше его раздражала перспектива долгого пребывания в бездействии. И тут же успокаивал себя – присутствие Элен Ларпен, наверное, скрасит часы их заточения. Ее сообразительность, острый язычок и неожиданная храбрость просто восхищали Райана. А соблазнительный букет ароматов, исходивший от нее, казалось, медленно сводил его с ума...

– Я должен немного поспать, – сказал он, прервав затянувшееся молчание, обращаясь к напряженно сидящей рядом Элен. – Вы можете сделать то же самое... А если не хотите, то предложите мне положить голову к вам на мягкие колени, у нас нет подушки.

– Я вовсе не собираюсь этого делать! – ответила Элен.

– Не собираетесь делать – чего? Не ляжете или не станете моей подушкой? Ведь для того, чтобы сэкономить имеющееся у нас пространство, вам придется сделать либо одно, либо другое.

При одной мысли о том, что его голова окажется на ее коленях, будет прижиматься к ним, Элен вдруг почувствовала странную тяжесть в нижней части своего тела...

Она сползла с их постели, предоставив Райану возможность лечь поудобнее, вытянув свои ноги. Но все равно его голова почти упиралась в их временный склад провизии – она немедленно услышала звон бутылок и бокалов, когда он случайно их задел. Райан тихонько выругался, кляня тесноту, и вскоре затих.

Элен считала, что ей не стоит ложиться рядом с Райаном, и решила просидеть всю ночь на твердом каменном полу, но внезапно почувствовала безумную усталость. И зачем только она согласилась уступить каперу в единоличное пользование всю постель и даже стеганые одеяла, которые принесла для нее Дивота?

Элен присела на краешек постели, сняла разорвавшиеся сатиновые свадебные туфли беззадников и, проведя пальцами по образовавшимся в них дырам, аккуратно поставила их рядышком. Стараясь не задеть мужчину, который лежал возле нее, она медленно опустилась на мягкую поверхность стеганых одеял спиной к нему.

– Возьмите вот это. – Райан подложил ей под голову свернутый камзол.

– Он ваш, вы на нем и спите, – возразила Элен и отодвинула камзол.

– Ради Бога! – произнес он раздраженно. – Не спорьте, или я снимаю с себя всякую ответственность!

– Что с вами?

– Я никогда не сплю на подушках. – Она возмущенно втянула воздух.

– Так, значит, эта угроза...

– Никаких подушек! – повторил он, рассмеявшись. – Только колени!

– Презренный!..

Элен рывком подтянула камзол себе под голову, злясь на себя за то, что ей самой захотелось, чтобы его лицо прижалось к ее коленям.

– О, я согласен... – уныло откликнулся Райан.

Она слышала, как он устраивается поудобнее на ложе, которое оказалось совсем не мягким. Ей пришлось сделать то же самое.

Оба лежали неподвижно. Элен прикрыла глаза. Потом открыла их снова. Про себя она уже решила: что бы ни случилось сегодня вечером, произойдет это отнюдь не от недостатка добропорядочности.

– Спасибо за подушку, – тихо сказала она.

Ответа не последовало.

Элен тоже вскоре уснула.

Какие-то тени и призраки скакали в сумеречной темноте. Отвратительные и безобразные на вид, кривляющиеся и злобно насмехающиеся, они нападали на безвинных, разрывая их на части, тянули их куски в разные стороны... Элен пыталась кричать, но не могла произнести ни звука, хотела побежать вперед, но не могла сдвинуться с места. Она тянулась к оружию, но оно выскальзывало у нее из рук. Ей пришлось бессильно стоять и наблюдать за страшной картиной бойни. И призраки это знали. Они издевались над ней, бросая через плечо глумливые взгляды. И когда все их жертвы погибли, они взялись за нее. По-прежнему оставаясь беззащитной, она не могла ни кричать, ни сопротивляться...

Элен проснулась внезапно, со странным сдавленным криком, будто ее душили, не позволяя шевельнуться. Собравшись наконец с силами, она ударила сжатыми кулачками во что-то.

– Ш-ш-ш, успокойтесь! – Райан тихо и нежно шептал ей в ушко, схватив ее молотящие темноту руки за запястья и прижимая Элен к себе. – Это был сон. Всего лишь дурной сон.

Элен, немного успокоившись, перестала сопротивляться и сделала глубокий и резкий вздох, словно задыхаясь. По ее щекам потекли слезы. Грудь Элен неровно вздымалась от дыхания и от ее попыток скрыть свое горе и душевную боль, от попыток взять себя в руки. Страх перед тем, что она не сумеет справиться с собой и не прекратит рыдания, заставил ееподавить последний всхлип, застрявший в горле скрипящим звуком.

– Ш-ш-ш, ш-ш-ш, – укачивал ее Райан, крепко и нежно обнимая.

– Я... ничего... не могла... поделать... – всхлипывая и вздрагивая всем телом, тихо бормотала она.

– Нет, конечно, нет.

Райан слегка выпрямился, нахмурившись и освобождая ее запястья.

– Их было слишком много. Все произошло так быстро...

– Теперь вы в безопасности. Не надо плакать.

– Не знаю, зачем мне жить, когда столько людей погибло? Так много!.. – Она вытирала бегущие по щекам слезы.

Это чувство вины было знакомо ему. Он кашлянул, стараясь отделаться от непривычного спазма в горле.

– В такой обстановке никто не смог бы ничего сделать. Так что не надо об этом больше думать.

– Ну как я смогу забыть? – вскрикнула Элен. – Все это здесь, у меня в голове! И останется навсегда! Навсегда!

Ее надо было успокоить. Он мог бы дать ей еще немного бренди, но половина бокала, которую она уже выпила, по всей видимости, на нее не подействовала, если принять во внимание, что и поспала-то она не больше часа.

– Успокойтесь! Вы обо всем забудете, я вам обещаю.

– Что вы об этом знаете? Вы же не... видели! – всхлипывала Элен.

Он знал еще один способ, который мог бы ее успокоить.

Взяв ее подбородок своими длинными и сильными пальцами, он приподнял лицо девушки к себе и, склонив голову, прикоснулся своими губами к ее губам.

Элен едва не задохнулась, сделав резкий вдох. Ее тело напряглось. Неверие в то, что происходит, охватило ее сознание вместе с бешеной яростью, которая и остановила ее слезы. Элен попыталась оттолкнуть Райана.

Но он еще крепче прижал Элен к себе и прикоснулся своими губами к ее губам.

Элен, упираясь руками в его грудь, еще раз попыталась оттолкнуть Райана. Но ей это не удалось. Поцелуй капера отвлек Элен от грустных мыслей и заставил забыться...

Сердце девушки забилось, губы приоткрылись. С тихим вздохом удивления Райан осторожно припал к ее губам, пробуя их на вкус, пробегая языком по ее зубам. Он попытался своим языком проникнуть и глубже, наступая так, что внутри Элен стал разгораться пожар возбуждения. Райан прижимал ее к себе все крепче, чувствуя ее грудь, бедра.

Элен прикоснулась к его мускулистому плечу. Она постепенно успокаивалась, забывая ночной кошмар, и наслаждалась пробуждением ответных чувств к мужчине, который держал ее в своих объятиях. Она ощущала силу большого и разгоряченного страстью мужского тела, жесткость его волос, низко спускавшихся по его шее, упругую и напряженную эластичность его кожи. Игра его мускулов под ее рукой вызывала в Элен восхищение, пока она наконец не осознала, что он продвигал свою руку к ее груди.

Не успев выразить свой протест, она тут же почувствовала волну наслаждения, в которой, казалось, утонула, волну, вызванную прикосновением его ладони к мягкой округлости ее груди под корсажем.

Подаренное ей наслаждение рождалось от ласк, которыми капер одаривал ее. Цепочками страстных поцелуев Райан прокладывал тропинки от уголков ее рта по щеке к ее шее и далее, вниз по изгибу, к впадинке на ее горле. Там он остановился, погружая влажное тепло своего языка в эту маленькую ямку, пробуя на вкус ее кожу с такой непревзойденной изысканностью, что она, оказавшись во власти этого ощущения, не заметила, как он расстегнул ее платье.

Затем она почувствовала теплое дыхание Райана на своей трепещущей груди. Лаская языком и руками ее груди, он подогревал ее страсть.

Элен протянула к Райану руки, открывая ему свое тело и помогая снять с себя платье и белье. Прикоснувшись к его животу, она выдернула его рубашку из брюк, ожидая, когда он освободится от обуви и одежды и снова повернется к ней.

Впереди их ждала долгая и темная ночь, торопиться было незачем. С жадными ртами и с ищущими руками, измученные страстью и разгоряченные долгим ожиданием и сдержанностью, они познавали друг друга.

Дрожа и задыхаясь от страсти, они сомкнулись в объятии. Райан подсунул под ее бедра руку, и она переплела свои ноги с его ногами. Ощутив у бедра свидетельство его желания, Элен напряглась, на мгновение почувствовала жгучую боль, а потом беспомощно обмякла, не в силах сопротивляться. Она запустила пальцы в его волосы и молча извивалась под его прикосновениями, не в силах издать ни звука. Элен целиком оказалась во власти этого мужчины, дарившего ей наслаждение...

Потом они долго лежали с закрытыми глазами. Сердца учащенно бились, кожа горела и лоснилась от испарины. Воздух в их яме, казалось, был пропитан благоуханием роз, гардений и чего-то еще, чему не было названия.

Райан лежал, уткнувшись лицом в ложбинку между холмиками грудей Элен. Сделав глубокий вдох, он произнес:

– Господи, какой же восхитительный запах исходит от тебя!

Открыв глаза, Элен уставилась в темноту. Она совершенно забыла о масле, которым было натерто ее тело.

До встречи с Райаном Элен еще не приходилось оказываться с мужчиной в подобной ситуации.

Элен вовсе не хотелось верить в колдовские чары ароматного масла, предложенного ей Дивотой.

– Как они называются? – спросил Райан.

– Что?

– Твои духи. У них есть название?

– Не думаю.

– Неужели ты не знаешь? Я думал, что большинство женщин не отстает от моды.

– Конкретно эти... они особенные, – неохотно ответила она.

– Такой букет запахов мне раньше не встречался. У тебя что, во Франции остался свой парфюмер?

– Неужели это важно?

– Мне просто интересно. Духи и ароматичные вещества составляют львиную долю грузов, с которыми мне время от времени приходится сталкиваться.

– Особенно на французских судах?

– Как сказать. А вот это... это твое индивидуальное благовоние?

Любопытство Райана показалось Элен чрезмерным.

– Его Дивота приготовила специально для меня, – недовольно проговорила Элен.

– В самом деле? – произнес он с недоверием и слегка насмешливо. – Не думаю, что такой букет ароматов можно будет когда-нибудь встретить снова...

– Пожалуй... ты прав... навряд ли... – сдержанно ответила Элен.

– Что-нибудь не так? – Он перекатился на бок и протянул руку, чтобы дотронуться до ее лица. – Я сделал тебе больно? Я понимаю, ты же была девственницей...

– Нет же, совсем нет!..

Ей совершенно не хотелось обсуждать с ним эту тему.

– Я готов принести тебе свои извинения. Только мне кажется, что уже чуть-чуть поздновато.

– Да уж, пожалуйста, избавь меня от этого.

– Честно говоря, я не хотел заходить так далеко... Но... ты такая обворожительная, и мне с юбой было хорошо, твои благовония просто одурманили меня...

– Понимаю. Это я во всем виновата.

– Я этого не говорил.

В течении нескольких секунд Дивота казалась лишь темным силуэтом на его фоне.

– Возьмите вот это, пожалуйста, только осторожно, он горячий, – сказала Дивота и подала оловянный кофейник.

Райан взялся за обернутую полотенцем ручку кофейника и поставил его на пол. Потом Дивота подала вазу с фруктами и кофейные чашки, а за ними – ведро с горячей водой, кусок мыла и полотенце. Вынув из кармана передника небольшую расческу, она бросила ее Элен.

Элен и Райан поблагодарили Дивоту. А женщина, смутившись, только отмахнулась:

– Если вам еще что-нибудь нужно, говорите, только быстро.

Элен смущенно взглянула на Райана, но тот покачал головой.

Дивота хитро и проницательно посмотрела на них обоих, разглядев, что они полуодеты. Тонкая, понимающая улыбка пробежала по ее губам и исчезла.

– Ну, тогда я пойду... Мне уже пора. Навещу вас вечером, когда все в доме улягутся. Ведите себя осторожно, – сказала она, посмотрев на Элен.

– Ты тоже.

– Непременно.

Люк над ними закрылся. Слышно было, как Дивота расставила по местам стулья и вскоре удалилась.

Элен не знала, чего ей хочется больше, – горячего кофе, чтобы поднять настроение, или горячего омовения, чтобы освежить тело. И поскольку тепловатый кофе всегда хуже теплого обтирания, она для начала присела рядом с Райаном, чтобы позавтракать, – кофе и булочки, бананы и крылышко жареного цыпленка, оставшегося с вечера.

Сочетание этих блюд показалось затворникам пищей богов. Элен с удовольствием принялась за завтрак, но вдруг ощутила свою вину за то, что жива и наслаждается вкусной едой, в то время как ее отец и другие погибли... Но разве она может вернуть их?

Элен долго еще чувствовала себя подавленной...

После завтрака она стала умываться. Райан, сидя на постели с чашкой недопитого кофе в руках, уголком глаза наблюдал за ней. Выражение его лица было напряженным.

– В чем дело? Ты что, никогда не видел утреннего туалета женщины?

– Я никогда не видел такой женщины, как ты.

– Ты имеешь в виду мои волосы? – спросила Элен, приподнимая еще не расчесанную золотистую завесу своих волос и протирая влажным полотенцем шею и горло.

– Их цвет совершенно необычный, но я, по правде говоря, думал не о них. Я любуюсь твоей грацией, каждым твоим движением.

– Что за сказки! – недоверчиво проговорила она. – Тебе, должно быть, опять чего-то захотелось...

– Смотря чего! – ответил он с хитрой улыбкой. – Зависит от того, что ты предложишь.

– Ты ненасытен! – Элен приоткрыла ротик в притворном удивлении и возмущении, и краска залила ее лицо.

– Что я могу с собой поделать, если ты меня так восхитительно обольщаешь?

Ее движения замедлились. Она опустила руки, в которых держала полотенце, и удивленно посмотрела на Райана. С этим мужчиной она уже трижды за эту ночь занималась любовью после первого, неожиданного порыва страсти, а в последний раз перед самым рассветом. Ей стало казаться, что их забавы с Райаном становились неумеренными.

*«Ненасытный»!* Именно это слово произнесла Дивота. *«Онпревратитсявтвоегораба–егожеланиектебестанетненасытным»*.

– Неужели ты чувствуешь ко мне такое сильное влечение? – спросила она невинным тоном, опуская глаза. – Или ты просто давно без женщины?

Райан рассмеялся, допивая последние капли своего кофе и отставляя чашку. Он поднялся, встав на одно колено и наклоняясь к ней.

– Похоже, и то и другое. Можем проверить это сегодня утром, чтобы окончательно удостовериться.

Она отстранила его рукой:

– При дневном-то свете?

– А что, это имеет значение?

Ей пришло в голову, что мыло и горячая вода снимут его возбуждение, если только Дивота говорила правду о духах.

– Ты еще не обтирался, – тянула время Элен.

Как оказалось позднее, его страсть к ней отнюдь не уменьшилась после обтирания, а даже возросла.

День тянулся медленно. Уже не раз Райан и Элен сожалели, что не сообразили попросить у Дивоты колоду карт, шахматы или другуюкакую-нибудь игру, чтобы скоротать время. Говорили и о том, что было бы хорошо раздобыть книжку, а то и две, чтобы занять себя чтением на

следующий день, но оба соглашались, что света в этой яме для чтения было явно недостаточно. Они впадали в дрему и просыпались от каждого шороха, напряженно вслушиваясь и шепотом обсуждая, что могло бы производить этот шум.

Они много разговаривали, рассказывали истории из своего детства и школьных лет. Элен вспоминала о годах, проведенных в пансионе, а Райан – о своем рябом и вспыльчивом, но великолепном учителе. Они делились впечатлениями о прочитанных книгах, рассуждали о музыкальных произведениях, которые нравились каждому из них, говорили о Франции и о Наполеоне Бонапарте: о его политике, о скандалах, связанных с именем его жены Жозефины. Мысленно бродили по улицам Парижа, вспоминая любимые места.

– Мне кажется, тебе понравится Новый Орлеан, – сказал Райан, когда снова наступила вечерняя тьма и они ожидали прихода Дивоты с ужином.

– Но я не поеду с тобой, – мягко возразила Элен.

– Разве?

По тону, с каким был задан вопрос, можно было понять, что Райан полон решимости забрать Элен Ларпен с собой на свое судно, даже если пришлось бы отнести ее туда на руках. Его неудержимо влекло к этой обворожительной и такой не искушенной в искусстве любви женщине.

Элен сделала неопределенный жест, словно хотела отмахнуться.

– Я почти ничего не знаю об этом городе, кроме того, что его жители говорят по-французски, несмотря на сорокалетнее господство испанцев, что это жаркое и невероятно грязное место, кишащее змеями. Обо всем этом поведал в письмах отец, когда жил там.

– Змеи опасны только во время наводнений, – заметил Райан. – А в общем-то Новый Орлеан чудесный городок. Летом бризы с океана делают климат вполне приятным, а зимой там весьма прохладно. Он одновременно похож и на французский, и на испанский город. Дело в том, что пожары, часто случавшиеся во времена испанского правления, вынудили многих жителей перестроить свои дома. Балконы из кованого железа и внутренние дворики придают домам испанский стиль, но линии крыш, форма и расположение дверей и окон, закругленные углы домов на улицах напоминают о Париже.

– Папа говорил, что его чуть не задушила тамошняя скука.

– Он, должно быть, не потрудился познакомиться с людьми. Там постоянно проводятся балы, музыкальные вечера и выезды на природу, а что касается мужчин, то в их распоряжении имеются кафе, питейные заведения, где подают все – от вин и абсента[8] до эля. Горожане время от времени любят погулять по площади Плас-д-Арм, подышать вечерним воздухом, людей посмотреть и себя показать.

– Тебе очень нравится Новый Орлеан, правда? – спросила Элен.

– Это ведь моя родина, и там мой дом. – Он сказал это так, словно иных объяснений и не требовалось.

Элен посмотрела в сторону. Ей хотелось, чтобы у нее было такое же ощущение привязанности. В раннем детстве она, по-видимому, что-то подобное ощущала по отношению к Сан-Доминго, но потом, за много лет пребывания во Франции, эти чувства поблекли. Но и Франция, из-за того что Элен постоянно находилась в ожидании отъезда по первому распоряжению отца, тоже не стала для нее настоящей родиной.

– Новый Орлеан мог бы стать и твоим домом тоже, – сказал Райан после затянувшегося молчания.

Элен гордо вздернула подбородок.

– Сан-Доминго вот мой дом... Это то место, где я родилась.

[8] Полынная водка.

– Тогда, я полагаю, ты уже подумала, кто мог бы тебе помочь, из друзей твоего отца или его деловых партнеров?..

– Ни о ком я не думала, – холодно ответила Элен.

– Ах, ну да, со временем что-нибудь непременно придет тебе в голову... – Райан растянулся во весь рост на постели. – Например, ты можешь предоставить себя на милость кого-то из военных начальников, принявших командование после смерти генерала Леклерка.

– Генерала Рошамбо?

– Думаешь, не стоит метить так высоко? Возможно, ты и права. Там есть толстый полковник, с которым я встречался несколько дней назад, он, думается, вполне мог бы стать подходящей партией.

– Каким образом? – откликнулась Элен, не подозревая подвоха со стороны Райана.

– Да у меня сложилось впечатление, что у полковника сердце такое же мягкое, как и мозги, и самые похотливые глаза. Уверен, что тебе удастся вертеть им, как захочется. Ты даже сможешь выйти за него замуж.

– Замуж? Никогда!

– Ну а стать его любовницей?

– Что? – вскрикнула Элен с яростным возмущением.

– Ну, тогда его прачкой? Хотя тебе должно быть известно, что от женщин, которые так называются, иногда требуется оказание и других услуг, когда офицеры снимают свою униформу.

– Я знаю это, – сказала она уязвленно. – В твоих дурацких предложениях я почувствовала твою уверенность в том, что французы во главе с Рошамбо непременно потерпят поражение.

– Ну, в таком случае всегда могут подвернуться краснорожие и упитанные английские офицеры, которые тоже иногда снимают мундиры.

Рассердившись, она схватила камзол Райана и швырнула его в лицо насмешника.

# ГЛАВА ПЯТАЯ

– Зажги свечку! – прошептала Элен, толкнув Райана в бок.

– В чем дело? – удивился он, тотчас проснувшись.

– Кто-то здесь возится. Зажги же свечку!

Какой-то легкий топот раздавался откуда-то неподалеку от их постели. Временами он сопровождался негромкими царапающими звуками там, в углу, где у них были сложены съестные припасы.

– Это крыса, – сказал Райан.

– Знаю, – с отвращением прошептала Элен. – Зажги, наконец, свечу!

Животное явно привлек запах еды, и оно пролезло в их тайник сквозь какое-то отверстие в фундаменте. Элен не испытывала ни малейшего желания делить с крысой ни свое убежище, ни пищу.

Элен услышала скрежет кремня в трутнице и поняла, что Райан пытается высечь искру и зажечь свечку. Крадучись, она потянулась за сапогом, чтобы использовать его как орудие убийства.

Нечаянно она прикоснулась к крысиному хвосту. Он показался ей совершенно голым, без волос, и прохладным на ощупь. Хвост дернулся, вызвав у Элен испуганный вскрик.

– Что еще случилось? – В голосе Райана прозвучала тревога.

– Я до нее дотронулась! – прошептала она, дрожа от омерзения.

Ей показалось, что она расслышала его беззвучный хохот.

Через мгновение на разгоревшемся труте вспыхнул желтый огонек. Райан потянулся за свечой и поднес ее фитиль к огоньку.

Элен кинулась к сапогу, который разыскивала, и подняла его над головой, озираясь и ища глазами крысу. Та сидела за кувшином с водой и поводила усами. Элен стала догонять ее по кругу, отчаянно колотя по земле сапогом, в то время как крыса заметалась по яме.

– Прибей же ее! – бросила она через плечо Райану со страстной настойчивостью. – Прибей!

Райан поставил свечу на пол в угол, взял второй сапог и тоже начал преследование. Они с Элен молотили по полу, прыгая то туда, то сюда, увертываясь и друг от друга, и от крысы, которая нервно металась из стороны в сторону по яме. Их тени в фантастическом танце точно так же метались по стенам.

Исход этой борьбы был, несомненно, предрешен. Крыса попыталась юркнуть в свой лаз, но пролезть туда оказалось не просто, особенно когда на нее охотились двое, нависавшие над ней и вооруженные не только тяжелыми сапогами, но и яростной решимостью.

В течение нескольких секунд все закончилось. Райан убрал трупик на земляной выступ под крышкой люка, откуда Дивота смогла бы его забрать, когда придет навестить их снова.

Вскоре оба опустились на постель, чтобы перевести дух.

– Бедный маленький зверек! – заговорил похоронным тоном Райан. – Ему хотелось лишь немного поесть.

– Мне кажется, съесть твой большой палец на ноге... – саркастически сказала Элен.

– Ты жестокая женщина! Я и не знал, что ты такая.

– Ненавижу крыс.

Ей не хотелось смотреть на Райана. Она и сама немного устыдилась своего рвения, вспоминая звук, с которым в последний раз он опустил на крысу свой сапог.

– Я так и подумал, – сухо сказал Райан. Элен бросила на него хмурый взгляд:

– Не замечала, что ты такой щепетильный.

– И в самом деле, – ответил Райан с готовностью. – Разумеется, я не испытываю к ним нежной любви. Более того, когда милой леди нужна моя помощь, я оказываю ее с удовольствием и в полную меру своих возможностей.

– Даже так? И сейчас тоже?

– Безусловно. Особенно в тех случаях, когда эта леди сумеет щедро вознаградить.

– И ты на самом деле рассчитываешь на мое вознаграждение? – спросила Элен, не веря своим ушам.

– Конечно... Если, правда, ты сама считаешь это резонным.

– Ты просто невыносим... и самодоволен.

– Я не мог предположить, что это тебя так расстроит. Ты только что намеревалась отдать себя в распоряжение толстого полковника исключительно ради его покровительства. А разве этот случай чем-нибудь отличается от того?

– Это же ты предложил мне такой отвратительный выход!

– Ты сама не оставила себе иного выбора. И ясно как белый день, что тебе так или иначе придется устраиваться при каком-нибудь мужчине, – проговорил серьезно Райан.

– А мне это совсем не кажется! – возразила Элен и протестующе фыркнула.

– Нет? Дело в том, что в такое опасное время только мужчина может обеспечить тебе безопасность. А главная твоя беда состоит в том, что ты слишком привлекательна и вызываешь слишком большое желание у мужчин-хищников. Они не смогут оставить тебя в покое...

– Хищников, к которым ты и себя относишь?

– Может быть... Я – в первую очередь.

– По крайней мере, ты честно это признаешь, – откомментировала она. Ей хотелось, чтобы ее слова прозвучали холодным сарказмом, но этого у нее не получилось.

Райан сел, вглядываясь в Элен и любуясь, как желтый огонек свечи освещал ее прелестное лицо и отражался золотистым пламенем в волосах. И хотя с его стороны это выглядело совершенно глупо, но ему отнюдь не хотелось покидать место их совместного заточения. Но если он не станет вести себя более разумно и осмотрительно, то окончание этого заточения может стать и концом их знакомства...

Элен бросила из-под ресниц взгляд на мужчину, который непринужденно отдыхал рядом с нею. «Он, наверное, шутит, – подумала она. – Не может же он всерьез требовать от меня вознаграждения за то, что убил крысу? Как трудно бывает его понять...»

Несмотря на близость, которую они пережили, и на долгие разговоры, которые вели, Элен так и не почувствовала, что хорошо узнала его. Казалось, какую-то часть своей души Райан от нее тщательно скрывал... Нет, она не обвиняла его, – сама поступала так же.

На мгновение лицо Райана исказила гримаса раздражения. Он негромко рассмеялся:

– Успокойся, я только пошутил. Без твоего желания мне ничего от тебя не нужно. Ложись и продолжай спать.

Райан потянулся к свече и загасил ее пламя двумя пальцами. Их подземелье снова погрузилось в темноту.

Элен слышала шуршание его одежды, понимая, что он готовится лечь. Она торопливо отодвинулась, давая ему место, и растянулась на одеялах. Его рука прикоснулась к ее руке, но она тут же отдернула ее, словно обжегшись.

Время текло. Немигающим взглядом Элен смотрела в темноту. Конечно, ей хотелось найти какой-нибудь способ, чтобы устроить свое будущее, но в голову ничего не приходило.

Наконец она уснула, и ее кошмары снова вернулись к ней...

Элен и Райан научились точно узнавать, находится ли кто-нибудь наверху, в комнате над ними. Шаги людей гулко отдавались в замкнутом пространстве их подвала. Иногда до них доносились голоса и обрывки разговоров двух девиц из прислуги или ворчливый старуше-

чий голос, несомненно, принадлежавший матери Фавье. Старуха то отдавала распоряжения по дому, то распекала девиц.

Труднее всего затворникам было во время обеда. Стулья передвигали по ковру, и через щели в люке на них сыпалась пыль. Да и запахи вкусной пищи и вина проникали к ним как раз в то время, когда до их трапезы оставалось еще очень много времени – Дивота приносила им ужин только после того, как в доме все укладывались спать.

Однако более всего их раздражало присутствие в комнате над ними Фавье и его матери, а как-то раз и пары гостей, из-за чего Элен и Райан вынуждены были сидеть в абсолютной тишине. И время им показалось вечностью. Зато они научились испытывать истинную благодарность к обитателям этого дома за то, что те иногда завтракали в постели или перекусывали в полдень где-нибудь за пределами дома, возможно, на галерее.

И тем не менее подслушанные ими разговоры домочадцев оказывались весьма полезными. Например, они узнали, что Дессалин, которому не терпелось полностью изгнать французские войска с острова, рассылал своих агитаторов по плантациям, чтобы те поднимали рабов на восстания с призывами убивать своих хозяев. Дессалин хотел или уничтожить все белое население острова, или заставить их покинуть его пределы. Списки сожженных домов и зверски убитых людей росли с каждым днем. За столом пересказывались истории о том, как искали людей, загнанных на тростниковые поля, в сараи и конюшни, как ловили тех, кто пытался убежать в Порт-о-Пренс или на Кап-Франсэз, и безжалостно с ними расправлялись.

Иногда казалось, что от этих разговоров за едой Фавье получал удовлетворение. Он нарочно начинал громко разговаривать с гостями, чтобы в подвале могли как следует расслышать его слова. Похоже, он был доволен происходящим на острове, хотя его собственное положение не было таким уж благополучным. Элен и Райан понимали, что жаждущие крови толпы негров-рабов в ночной тьме могли намеренно или случайно перепутать дома, и тогда досталось бы и Фавье...

Утром третьего дня до Райана и Элен донеслись голоса двух женщин, они раздавались прямо над ними. Голоса принадлежали Дивоте и матери Фавье.

Райан сел, прислонившись спиной к камню стены, спокойный и в то же время, как показалось Элен, готовый защищать их убежище. Она привстала и настороженно вслушивалась, подняв глаза вверх, на деревянную раму люка над их головами: «Что там могло случиться? Неужели Фавье проговорился и его мать стала проявлять интерес к тому, что спрятано в этом тайнике? Или старуху снедает любопытство из-за присутствия в доме Дивоты и она стала подглядывать за ней, за ее передвижениями по дому?»

Вскоре Райан и Элен поняли, что старуха бранит Дивоту за то, что та тайком таскает еду с кухни. Она требовала от Дивоты ответа на свой вопрос куда это она сейчас направлялась? Дивота, по всей видимости, сказала ей, что шла к столу, чтобы поесть, поскольку ее объяснения вызвали визгливую тираду о том, что прислуга много себе позволяет, полагая, что может пользоваться мебелью хозяев по своему усмотрению, лежать в постели целыми днями, поедать все лучшее из запасов хозяина. Дивота дерзко ответила, что она любовница ее сына, а потому и ведет себя так...

Глаза Элен округлились от неожиданности.

Несомненно, это был великолепный предлог, чтобы объяснить свое пребывание в доме, а не в хижинах для рабов. «А может, это вовсе и не предлог? Неужели Дивота отдалась Фавье, чтобы обеспечить безопасность мою и Райана?» – с ужасом подумала Элен.

Дивоту отослали есть на кухню. Шум голосов утих. И только сводящий с ума аромат горячего кофе и ветчины, которые Дивота несла им на завтрак, долго еще висел в воздухе. Элен медленно опустилась на постель.

– Ты понимаешь, что мы сидим здесь взаперти, как та крыса, которую мы убили?

– Весь остров превратился в громадную мышеловку, я тебе уже говорил об этом.

– Что ты станешь делать, если нас обнаружат?

– Единственное, что я могу, сражаться и надеяться, что их там не очень много.

– А что, если мать Фавье обнаружит нас здесь?

– Если только она откроет люк, то ей, думаю, придется присоединиться к нам – вольно или невольно, – ответил Райан, сжав кулак.

– Может, и придется так поступить, – задумчиво проговорила Элен.

Дивота так и не пришла к ним до вечера. Не пришла и потом, когда закончился обед, а дом с наступлением темноты стал погружаться в тишину.

Элен все больше раздражалась, но не потому, что проголодалась – у них еще оставался кусок хлеба от последнего ужина, – а потому, что волновалась за женщину, которая приходилась ей теткой. «А что, если мать Фавье, заподозрив что-нибудь неладное, заперла Дивоту где-нибудь или вообще решила избавиться от беспокойной новой женщины своего сына? А может, Дивота сама по какой-то причине покинула дом, и ее опознали, и уже убили...» В голову лезли страшные предположения...

Райан, как и она, тоже нервничал. Он клялэту яму за то, что не мог встать во весь рост, за то, что не мог сказать, что же все-таки происходит за стенами этого дома, за то, что утратил контроль за ситуацией и не мог вести дело так, как считал нужным.

Элен полагала, что теперь он совсем не доверял хозяину этого дома, несмотря на то, что старался казаться спокойным, когда она его расспрашивала. Наступала ночь, когда судно Райана, привлеченное сигналами, должно было подойти к берегу. Если Фавье не пошевелится, если окажется трусом и побоится дать сигнал судну Райана, то им, возможно, придется пробыть взаперти еще дня три или даже больше. Об этом даже думать было страшно, особенно теперь, когда с каждым часом возрастала опасность, что их обнаружат.

Элен босиком ходила взад и вперед по одеялам их постели в маленьком пространстве между стеной и ногами Райана. Внутри нее нарастало жгучее желание поскорее покинуть это мрачное место, вдохнуть свежего воздуха, увидеть солнце и море, деревья и цветы, посидеть в настоящем кресле и выспаться на настоящей постели. К тому же, как и Райан, она хотела узнать, что творится над ними. Это желание становилось таким сильным, что ей начинало казаться, что она готова пойти на любой риск.

Райан потянулся и схватил ее за юбку, когда она в очередной раз проходила мимо него.

– Присядь, пожалуйста, а то я начинаю сходить с ума, – раздраженно сказал он.

Низкий потолок никак не позволял ему выпрямиться и свободно двигаться, как это делала она, чтобы хоть как-то снять напряжение.

Элен состроила гримаску раскаяния, которую он не смог бы даже разглядеть, и опустилась возле него на колени.

– Прости меня, – кротко прошептала она.

– Ты же понимаешь, что не можешь продолжать оставаться здесь, проводя день за днем, как перепуганный заяц в норе. Ты просто обязана поехать со мной в Новый Орлеан.

– Мы это обсудили и с этим покончили. У меня нет средств к существованию.

– А здесь что, лучше? Но у тебя все же есть выход. Можешь жить со мной.

– Понятно. Ты оцениваешь себя выше, чем толстого полковника.

– Я хочу заботиться о тебе. Со мной ты не только будешь в безопасности, но к тому же станешь жить в комфорте и роскоши.

– Какая заманчивая перспектива! Ты меня почти что соблазнил, но, видишь ли, я как-то привыкла к большей респектабельности. С твоих слов я поняла, что брак не входит в планы твоего любезного предложения, поскольку ты ни словом об этом не обмолвился.

– Пока что у меня нет желания жениться, – ответил Райан. – Я часто и надолго ухожу в море. Было бы не совсем справедливо жениться и тут же оставить свою жену на берегу.

– А справедливость по отношению к любовнице ничего не значит? – язвительно заметила Элен, хотя не больше него хотела вступления в брак.

– Просто у любовницы меньше оснований для жалоб, – ответил он, стараясь говорить тише. – Ты ничего не понимаешь...

– Отчего же, я прекрасно понимаю, чтоты чувствуешь себя вправе сделать мне подобное оскорбительное предложение в момент, когда я поддалась искушению льстивых слов и нуждалась в утешении. И еще я понимаю, что у тебя появилось чувство ответственности за меня. Но этого совершенно недостаточно для того, чтобы навсегда забрать меня себе, хотя и вполне достаточно, чтобы сомневаться, стоит ли расставаться со мною. Я даже могу допустить, если хочешь, что тебя влечет ко мне, в противном случае ты не предложил бы мне поселиться в своем доме. И не пытайся заставить меня поверить в то, что твой интерес ко мне основан лишь на заботе о моем благополучии.

– А веришь ли ты в то, – сказал он самым приятным тоном, на который был способен в этот момент, – что я на руках отнесу тебя на судно, если ты не пойдешь по своей воле?

– Конечно, верю, – ответила Элен. – От тебя можно ожидать всего.

Он долго и выразительно чертыхался вполголоса. И когда заговорил снова, то голос его звенел от напряжения.

– Думаю, все дело в проклятом ароматическом масле, которое оказалось таким соблазняющим... Но это не важно. Ты могла бы оставаться в моем доме до тех пор, пока не устроилась бы где-нибудь еще. Мне в общем-то не нужна любовница, которая будет жить со мной по принуждению. Благодарю покорно, но от тебя мне этого не надо.

– В самом деле? Как великодушно! Особенно в нынешних условиях, когда у меня нет никакой возможности «устроиться где-нибудь еще», – сердясь, откликнулась Элен.

– За эти три дня ты не прилагала никаких усилий... Тебе стоило сделать лишь несколько мазков своими духами, и твое счастье было обеспечено...

Складывалось впечатление, что Райан говорил как-то несерьезно, наугад выдергивая факты, чтобы как-то подкрепить свои доводы. «И тем не менее он был недалек от истины, – размышляла Элен. – Трудно было бы отрицать, что благоухание масла казалось изысканным. Только бы Дивота смогла приготовить такое же в Новом Орлеане, если там можно будет найти компоненты для него. Естественно, что от всех ритуальных заклинаний, как и от некоторых трав и масел, которые превращают эти духи в мощный и долго действующий афродизиак[9] можно и отказаться, важно только не утратить полноту букета».

– О, я уверена, что Новый Орлеан как раз и нуждается в новых по составу и качеству духах.

Слова прозвучали насмешливо, но тем не менее Элен ощущала, как внутри нее растет волнение.

– В любом случае они должны быть душистыми и сладкими. Вся парфюмерия Аравии с трудом может охватить что-либо, кроме запахов сливной канализации и дворовых туалетов. Есть, конечно, и запахи лежалой рыбы, и прокисших фруктов со старого французского рынка, забродившей патоки из каких-нибудь складов, ну и с кладбищ, где нищих хоронят в братских могилах под тонким слоем негашеной извести...

– Тебе почти удалось убедить меня в том, что Новый Орлеан – это чудесное место для парфюмера, – сказала она суховато.

– Это единственное место для тебя.

– Может быть, и так, – как бы согласившись с Райаном, спокойно заметила Элен.

Конечно, с ее стороны глупо было выступать против предложения Райана уехать с ним. Новый Орлеан представлялся ей лучшим выбором для нового пристанища с самого начала.

[9] Химическое вещество естественного и искусственного происхождения, вызывающее возрастание сексуального влечения.

Там бы она оказалась среди своих соотечественников. И все же уезжать в такую даль от всего привычного, создавать свой дом среди незнакомых людей было нелегко.

Какая-то часть ее существа категорически отвергала саму идею проживания под одной крышей с чужим мужчиной, даже в течение короткого времени. «Да и в качестве кого я буду в доме Райана? Но мне нужно восстановить возможность самой решать свою судьбу. И может быть, Райан Байяр или даже мои духи помогут мне достичь этой цели?» подумала Элен.

К ним кто-то приближался. Сначала они увидели мягкий свет свечи. Он просвечивал сквозь щели в полу над ними, бросая странные движущиеся изогнутые полосы на камни стен. Шум шагов, который сопровождал световые блики, был легким, почти крадущимся. Потом наступила тишина, как будто тот, кто остановился над ними, вслушивался и оглядывался из предосторожности.

Кресла и стулья у стола стали отодвигаться тоже так, чтобы не производить много шума. Когда поднимали ковер, на них посыпалась пыль. Райан, вставший на ноги, стоял неподвижно, Элен тоже поднялась, джав руки в кулачки.

Звякнуло кольцо на люке, потом послышалось чье-то кряхтение. Скрипнули петли, и тяжелая крышка люка приподнялась. В образовавшейся щели они увидели ноги и женскую юбку. У ног стоял фонарь с оловянной сеткой. Колеблющиеся лучики света от фонаря проникали в отверстия, создавая в темноте причудливые фигуры. Люк поднимался выше и наконец откинулся совсем.

Перед ними была Дивота.

Элен с облегчением вздохнула. Горничная с улыбкой подала ей знак ободрения и сочувствия, но не стала тратить время на приветствия и объяснения.

– Выбирайтесь, и быстро! – сказала она хриплым тихим голосом. – Судно подходит.

Повторного приглашения затворникам не потребовалось.

Райан, резво подскочив, уцепился руками за края люка и подтянулся. Через секунду он уже был наверху. Обернувшись, он опустился на одно колено и подал руку Элен. Она быстро надела свои туфли и поймала его руку. Сильные пальцы Райана обхватили ее руку железным замком. Она оттолкнулась, и он потянул ее наверх, пока ее талия не оказалась на уровне пола. Райан помог Элен встать на ноги и уж потом нагнулся, чтобы закрыть крышку люка.

Столкнув на место ковер, они вместе с Дивотой расставили кресла и стулья вокруг стола. Дивота, не мешкая, круто повернулась, подхватила фонарь и шепнула:

– Сюда...

– А где Фавье? – тихо спросил Райан.

– Прячется, – с отвращением в голосе ответила женщина. – Я сама подала сигнал на судно, размахивая фонарем.

– Мы твои должники. Но свет нам больше не понадобится. Погаси фонарь.

Дивота, погасив фонарь, поставила его посреди столовой и повела Элен и Райана за собой.

Крадучись, в полном молчании, как призраки, они направились через комнаты к задним дверям, потом на окружавшую дом галерею. Не прошло и минуты, как они оказались на лужайке. От нее тропинка вела на край мыса.

Пропитанный влагой воздух казался мягким, нежно ласкающим кожу и таким свежим от дыхания ночного океана, словно эликсир – напиток вечной молодости. Бледная луна с высоты небес освещала им путь. Она казалась такой же, как и в тот вечер, когда они с Диво-той бежали из горящего дома, хотя теперь ее свет казался ласкающим. Где-то рядом в темноте зашелестели листья пальмы и ветки кустов жестколистой эфедры.

Они уже почти пересекли лужайку, догоняя бежавшие перед ними собственные тени, когда Элен вдруг почудилось, что они слишком заметны. Ей стало не по себе, и она не удержалась и в страхе шепотом позвала:

– Райан?

– Я понимаю, – ответил он. – Продолжай двигаться, но не беги.

Они ускорили шаг, старались делать его шире – один, другой, третий...

Неожиданно позади раздались гневные визги. Беглецам показалось, что крик сотни глоток переходит в густой, волнообразный рев.

– Теперь беги!

Элен, подхватив свои юбки, понеслась так быстро, как могла. Оборачиваться не было никакой необходимости, она и так знала, что увидит мужчин, мачете, ружья...

Глаза застилали слезы, в груди кололо от бега и резкого дыхания. Бешеный стук ее сердца напоминал быстрый барабанный ритм. Камни и раковины, разбросанные в траве, ранили ей ноги сквозь тонкий сатин порванных свадебных туфелек, но она, казалось, не чувствовала этого. За своей спиной она различала топот ног Дивоты – с одной стороны и Райана с другой. Ее ночные кошмары повторялись наяву – бег наперегонки с воющей смертью...

Вдруг позади раздался выстрел. Над их головами просвистели пули. Им казалось, что пронзительные возгласы и кровожадные крики приближаются. Приближался и край мыса. Тишину разорвал еще один выстрел. Наконец перед беглецами открылась узкая песчаная тропинка, уходящая вниз и вправо по поросшему травой склону. Взбивая ногами песок, они круто свернули на нее и теперь бежали вниз вприпрыжку и скатывались по скрытым под песком камням.

Внизу расстилалась залитая лунным светом дуга пляжа, на берег меря и лениво накатывались темные волны. В воде чернел низкий борт шлюпки. Рядом с нею с мушкетами, готовымик стрельбе, стояли двое мужчин, глядевших вверх, на гребень холма на мысу. Позади них, в стороне от прибоя, на волнах покачивалась двухмачтовая шхуна. Она стояла на якоре, укрытая в бухте, темная, без огней, ничем не выдавая своего присутствия.

Возбужденная толпа негров, не прекращая своего преследования, скатывалась за ними с нависающего края мыса, пробиваясь сквозь кусты, обрамлявшие его. Они издали громкие и пронзительные звуки победного ликования, когда наконец разглядели в темноте свою добычу. Вывернутые из земли камни полетели в беглецов и глухо застучали по плотному песку вокруг них.

Прозвучал еще один выстрел, и пуля рассекла воздух над головой Элен. Копье, брошенное с невероятной силой, вонзилось в песок справа от нее. Два других упали совсем рядом, а еще одно, пролетев по широкой дуге, шлепнулось в воду.

Впереди них лежал плоский кусок пляжа. Элен добежала до него первой. Райан обернулся, чтобы взглянуть назад. Темная масса тел волной скатывалась по склону мыса. Он снова повернулся в сторону шлюпки, рупором приложил ладони к губам и крикнул:

– Стреляйте! Стреляйте же!

И тут же раздался двойной выстрел из мушкетов. С мыса раздались крики паники. Погоня замедлилась. Матросы бросили мушкеты в длинную шлюпку и принялись сталкивать ее в воду, стараясь удерживать ее на гребнях волн в готовности к отплытию.

Десять метров, пять – и вот они все уже у шлюпки и карабкаются на ее борта. Райан, схватив со дна шлюпки мушкет, стал его перезаряжать – насыпал в него пороху, заложил пулю, которую ему подал один из матросов, уже сидевший в шлюпке, а другие матросы, мокрые и чертыхающиеся, тем временем ввалились в шлюпку через планшир[10]. Они разобрали весла и стали выгребать против волн. Райан поднял заряженный мушкет и нажал на спуск. Негр, бежавший впереди потока черных тел, взмахнул руками и упал навзничь.

Времени на второй выстрел уже не оставалось. Шлюпка от ритмичных ударов весел стремительно уносилась по волнам, оставляя пляж позади. Еще один или два выстрела с берега

[10] Брус, проходящий по верхнему краю бортов шлюпки.

прогремели им вдогонку, но пули, не причинив беглецам вреда, шлепнулись на излете в воду. Полоса воды, отделявшая шлюпку от берега, становилась все шире. Несколько преследователей сгоряча забрели в воду и, размахивая кулаками и своим оружием, что-то кричали, но их уже почти не было слышно.

Элен повернулась лицом к носу шлюпки. И хотя она обеими руками вцепилась в банку[11], на которой сидела, она не смотрела по сторонам и не замечала растущий силуэт судна впереди них. Окрашенная в темно-серый цвет, с белой полосой, опоясывающей корпус, шхуна, как оказалось, была украшена еще и вырезанной из дерева фигурой женщины в развевающихся одеждах. Черными буквами по белой полосе было написано название судна – «Си Спирит» («Морской дух».).

С борта до самой воды свисала веревочная лестница. Несколько человек собралось на палубе возле нее. Своими криками они подбадривали гребцов, хотя из-за шума ветра и плеска воды от весел Элен воспринимала их как крики неизвестных птиц. Они протягивали руки взбиравшейся по раскачивающейся лестнице Элен. Когда она добралась до верху, то с благодарностью приняла их помощь, чтобы спрыгнуть на палубу. Перед этим она обернулась, чтобы взглянуть на Дивоту, которую, как ей показалось, совсем не радовала перспектива опасного подъема.

Через несколько секунд все они уже поднялись на палубу. Последовал короткий приказ поднять шлюпку на борт. Какой-то кудрявый черноволосый мужчина выступил вперед и пожал руку Райану, поздравляя его с возвращением. Райан поблагодарил этого человека, обращаясь к нему по имени – Жан, и представил его Элен как капитана судна. Остальные пассажиры мужчины и женщины – в одежде, похожей на вечерние туалеты, обступили прибывших, сопровождая свои шумные разговоры и вопросы восклицаниями и возбужденным смехом.

Элен сразу почувствовала себя смертельно усталой и почти ничего не видела. Ноги ее дрожали. Боясь упасть, она протянула руку к Райану и схватилась за его рукав. Почувствовав дрожь, пробегающую по ее пальцам, он обернулся, взглянул на нее и тут же подхватил ее за талию, прижимая к себе.

– Пойдемте вниз, – сказал он.

Словно по мановению волшебной палочки, люди расступились и гуськом направились вперед, наклоняя головы, входя в низкие двери и перешагивая через высокие пороги. И вскоре они собрались в небольшой каюте, которую можно было бы назвать гостиной или офицерской столовой. Мужчины разобрали бокалы с налитым вином, стоявшие тут и там. Женщины расселись – кто за вышивкой, кто с книжками в руках. И все же все они ожидали, когда войдут Райан и Элен, как будто ожидали встречи с известным капером Байяром, с человеком, который пригласил их еще накануне.

«И откуда они только взялись?» – размышляла Элен, пребывая в полузабытьи от усталости, но тем не менее разглядывая собравшихся в свете двух ламп, которые висели в кардановых подвесах на стенах. По их виду – по одежде и бледным с желтизной лицам, людей можно было бы принять за островитян, хотя трудно было ожидать от капера, что он станет перевозить пассажиров.

И вдруг она заметила, как из числа собравшихся выступил один мужчина – среднего роста, с надменным видом, с красноватым шрамом на щеке, в белом, слегка помятом и запачканном костюме и направился к Элен с протянутыми для приветствия руками.

– Элен! Моя любовь, моя невеста! – воскликнул Дюран Гамбьер. – Я уж было подумал, что потерял тебя навсегда. Но нет! Милостью Le bon Dieu[12], ты снова вернулась ко мне.

---

[11] Сиденье (скамья в виде поперечной доски) для гребцов.

[12] Милосердный Боже (фр.)

# ГЛАВА ШЕСТАЯ

– Я бы сказала, милостью Райана Байяра, – возразила дрожащим голосом Элен и посмотрела на своего жениха, который остановился и замолк на полуслове. Улыбка сползла с его лица.

Она бы не смогла объяснить, откуда у нее взялись эти слова. Конечно, она понимала, эти слова могут навлечь на нее беду, но сейчас ее это не пугало. Главным для нее было остановить его, не дать Дюрану обнять себя и тем более не допустить, чтобы он стал предъявлять на нее снова какие-нибудь права.

В каюте воцарилась тишина. Глаза собравшихся горели от любопытства, как будто разыгравшаяся перед ними драма была предназначена для того, чтобы вовремя разрешить свои собственные проблемы. От гнева лицо Дюрана покрылось бурыми пятнами. Он уперся кулаками в бока, скептически и хмуро поглядел на руку Райана, лежащую на талии Элен, и только потом поднял взгляд на лицо капера. Райан смотрел в упор на этого человека с легкой улыбкой на губах. Одна его бровь приподнялась от удивления.

За спиной у него, обойдя Дивоту, которая стояла в дверях, в каюту вошел капитан судна. Казалось, он хотел о чем-то спросить Райана, но, увидев напряженную сцену, воздержался от вопроса. Райан повернулся к нему.

– Скажи-ка мне, Жан, – спросил он как бы невзначай, – что это за люди?

Капитан виновато посмотрел на капера и тихо ответил:

– Беженцы, Райан. Люди пытаются спастись и бегут с Сан-Доминго. Они выходили в море на маленьких лодках – кто вчера вечером, кто двумя сутками раньше, – когда бы мы ни появлялись на виду у острова. Я просто не смог им отказать.

– Правильно, я понимаю. – Райан повернулся к собравшимся. – Простите меня, леди и джентльмены, но мадемуазель Ларпен и мне пришлось пережить непростые испытания. Мы познакомимся с вами поближе несколько позже. Все, что нам нужно сейчас, так это ванна, еда и место, где можно приклонить голову. Вы извините нас.

– Эй, послушайте, – начал было Дюран.

– Потом.

В одном этом слове слышался скрежет металла.

От группы отделилась одна женщина и, подойдя к Дюрану, положила свою руку ему на плечо. Она двигалась с уверенностью, словно ожидала, что все глаза будут устремлены только на нее. Ее нельзя было назвать красавицей в классическом смысле: волосы красновато-коричневого тона вряд ли были такими от рождения, кожа бледная и желтоватого оттенка, заостренные черты лица. Но когда она заговорила, ее голос прозвучал так нежно и тембр был так насыщен чувственными нотками, что она показалась восхитительной.

– Дорогой Дюран, – пропела женщина, – пусть они идут, если у тебя в сердце осталась хоть капля доброты. Ты только вспомни, как совсем недавно мы сами отчаянно стремились к удобствам, которые могут дать пища и отдых.

Слегка поклонившись рыжеволосой женщине, Райан вместе с Элен направился к двери каюты.

– Райан! Куда мы идем? – откашлявшись, спросил капитан шхуны.

– В Новый Орлеан! – бросил Райан, не поворачиваясь. И добавил иронично: – И самым полным ходом, какой только удастся тебе выжать из шхуны. Не думаю, что народный комитет, который нас провожал на берегу, в данный момент располагает каким-либо судном, но на всякий случай лучше побыстрее убраться отсюда.

Каюта хозяина шхуны, по традиции, была самой просторной из всех. Но ее обстановка отличалась скромностью: широкая койка с морским сундучком в ногах, откидной столик у стенки с парой привинченных к полу стульев, умывальник с врезанной в крышку столика фар-

форовой раковиной. Для ванны, которую внесли потом, в центре каюты почти не оставалось места.

Походная ванна, изготовленная в Англии, из окрашенного олова своей формой напоминала Элен большой детский вязаный башмачок. Купающийся забирался в нее и садился, вытянув ноги вперед, под закрытую переднюю часть. Главное преимущество ее устройства для использования на мореходном судне состояло в том, что вода из нее от качки не выплескивалась, а кроме того, для купания в такой ванне не требовалось большого количества бесценной влаги.

Элен вымыла свои волосы, а потом надолго погрузилась в теплую воду, чтобы снять накопившуюся за последние дни усталость. Ее мысли текли медленно, сосредоточиваться ни на чем не хотелось. Она вспомнила, как Райан вышел, не желая создавать ей неудобства, после того как распорядился приготовить для нее ванну. «Как это тактично с его стороны!..»

Качка усилилась – шхуна вышла в открытое море. Теперь их путь лежал к Новому Орлеану.

Каким невероятным все это казалось! Еще неделю назад Элен и представить себе не могла, что сегодня вечером окажется на борту этого судна, потеряв все, что ей когда-то принадлежало...

Все, кроме Дюрана, жениха, которого для нее выбрал ее отец. Раньше Элен казалось, что она должна принадлежать только этому человеку, хотя что-то восставало в ней против такого выбора отца... Но от прежней жизни ничего не осталось. Изменилась и Элен. Теперь ничто не могло заставить ее совершать поступки против своей воли, против собственных желаний.

Какими бы ни были намерения Дюрана, ей придется объяснить ему, что к прошлому возврата нет. Никому не удастся заставить ее вступить в брак с нелюбимым человеком. Ей нужно осмотреться и понять, что может дать новая жизнь, которую ей предложила судьба...

По иронии судьбы, она встретила Дюрана на судне Райана. Но случилось это лишь потому, что «Си Спирит» оказался в числе немногих судов вблизи острова Сан-Доминго во время восстания, торговля с островом практически прекратилась. Конечно, лучше бы он очутился на каком-нибудь другом судне, которое могло бы забрать его с острова. И если бы она встретила его в Новом Орлеане спустямного недель, когда события последних нескольких дней стали бы не более чем ужасными воспоминаниями, ей было бы легче разговаривать с ним... В нынешней же ситуации Элен оставалось только полагаться на удачу и на свой инстинкт.

Она все еще сидела в ванне, когда раздался стук в дверь. Дивоты в каюте не было – она ушла узнать, почему так долго не несут еду. Элен с трудом поднялась, стоя в ванне, потянулась за турецким банным полотенцем. Обернувшись им, ступила на пол и направилась к двери.

– Кто там? – спросила она.

– Это Эрмина Визе. У меня для вас кое-что имеется. Я же понимаю, что вы не смогли захватить с собой никаких вещей, а у нас с вами почти одинаковые размеры.

«Несомненно, нежный голосок за дверью принадлежит рыжеволосой женщине!» Элен открыла дверь.

– Очень любезно с вашей стороны, – поблагодарила она. – Но мне не хотелось бы лишать вас того, что вам удалось сохранить.

– Не берите в голову! – ответила женщина с улыбкой. – Люди театра привыкли уезжать по первому же приказу. Их вещи всегда упакованы и готовы к отъезду.

– Так вы актриса? – «Наверняка в этом и состоит секрет интригующих свойств ее голоса».

– Вы, по-видимому, не относитесь к числу моих недавних почитателей, насколько я вижу. Я с Морвеном Гентом... – Она замолчала, очевидно, ожидая реакции Элен.

– Ах да... – сказала Элен.

Накануне, за неделю до свадьбы, она слышала отклики на спектакли серьезного английского трагика с таким именем в Порт-о-Пренсе. В то время Элен была слишком поглощена непосредственной подготовкой приданого, чтобы думать о посещении театра.

– Морвена помнят все, особенно женщины! – проговорила с кривой усмешкой Эрмина. – Что ж, не стану задерживать вас у открытой двери, иначе сюда сбегутся все матросы судна, чтобы хоть мельком взглянуть на вас. Увидимся утром.

Эрмина сунула сверток одежды под руку Элен, потом одарила ее теплой улыбкой и повернулась, чтобы уйти.

– Благодарю вас, – сказала Элен вслед удаляющейся женщине. Та только помахала ей рукой.

Развернув сверток, Элен обнаружила в нем ночную сорочку, пару чулок, мягкие лайковые комнатные туфли с завязками из ленточек и просторное поплиновое платье темно-бежевого цвета, отделанное зеленой с золотом тесьмой. Насколько наблюдательной и заботливой оказалась эта актриса, если заметила ее пришедшие в негодность туфли.

Элен бросила полотенце на ванну и надела ночную рубашку простенький по покрою муслиновый балахон с большим вырезом, короткими рукавами фонариком и с отделанной рюшами кокеткой, с которой до пола ниспадала юбка. Элен показалось, что рубашке не хватает ленты, которая перехватила бы талию.

Она подняла глаза в тот момент, когда дверь открылась и на пороге появилась Дивота с подносом, накрытым салфеткой.

– Ты только погляди, что принесла мне женщина с необыкновенным голосом!

– Актриса?

– Да. А ты уже знаешь, что она актриса? Я-то думала, что сообщу тебе новость...

– На шхуне две актрисы, – ответила Дивота, – и актер, который о себе очень высокого мнения. А еще с нами плывет толстый хозяин плантации с дочерью, тонкой как палка, и с горничной дочери – квартеронкой[13]. А еще я узнала какой-то государственный служащий с женой-сплетницей. И Серефина здесь...

Элен обменялась с горничной долгим и многозначительным взглядом. Октеронка[14] Серефина, любовница Дюрана, была смазливой, хотя и томной и безразлично-вялой особой. Их связь продолжалась более пятнадцати лет – с тех пор, как отец Дюрана купил ее сыну, когда тому исполнилось шестнадцать лет, а ей пятнадцать. Девушка поселилась у них в доме, поскольку матери Дюрана уже не было в живых. Серефина служила им экономкой и иногда выполняла роль хозяйки дома, когда, например, собирались мальчишники, но никогда не появлялась на глаза леди, которые посещали дом. У Серефины и Дюрана родился сын, он сейчас жил и учился во Франции.

– Дюран и не смог бы оставить ее, – заметила Элен. – Но это все равно ничего не меняет.

– Так ты твердо решила не выходить за него?

– Я вообще не хочу выходить замуж! – раздраженно передернула плечами Элен.

– Ну, тогда все в порядке.

Дивота была права – все в порядке.

Еще до свадьбы Элен пыталась решить для себя: как поступить с Серефиной? Она была уверена, что Дюран не откажется от своей любовницы, хотя с ним никогда не обсуждала эту проблему. Можно было предположить, что он захочет поселить обеих под одной крышей, на что Элен, безусловно, никогда не согласилась бы.

---

[13] Человек, родившийся от мулатки и белого (от слова «кварта» – одна четвертая негритянской крови)

[14] Человек, родившийся от квартеронки и белого (от слова «окта» – одна восьмая негритянской крови)

Дивота расставляла на столике блюда, которые принесла в каюту, – ломтики ветчины с фасолью, хлеб, фруктовый коблер[15], и все в таком количестве, что двоим хватило бы с лихвой.

– Райан спустится к ужину? – спросила Элен.

– Он предупредил, чтобы его не ждали, перекусит в каюте капитана. Капитан Жан задержал его своими вопросами.

– Тогда садись, и пока мы едим, расскажи, что ты узнала об остальных пассажирах.

Однако сесть к столу Дивота, как обычно, отказалась она хорошо знала свое место прислуги.

– Ты, наверное, забыла, что я уже пообедала сегодня, а ты нет. Я пока лучше простирну твое белье в ванне, к утру оно уже будет свежее и сухое.

К тому времени, когда Элен закончила ужин, ее веки стали настолько тяжелыми, что она с трудом их приоткрывала. Ей хотелосьпомочь Дивоте вытащить ванну из каюты и прибраться, но собраться с силами так и не удалось. Никакая постель еще не казалась ей более привлекательной, чем эта койка у стенки с белоснежными, аккуратно подоткнутыми простынями. Элен с трудом удерживалась, чтобы не упасть на нее. Но она не знала, для нее ли приготовлена эта койка.

– Так ты думаешь, что мне все же стоит лечь здесь? – спросила Элен Дивоту.

Дивота посмотрела на нее:

– Думаю, да.

– А ты? Где ты ляжешь? Койка-то не очень широкая, но если потесниться, места хватит и для двоих.

– Не волнуйся, мне уже отвели местечко. – Глаза женщины лучились заботой.

– Ложись и спи. Я погашу свет.

– А как насчет... – Элен зевнула, прежде чем закончила фразу: – Райана?

– Надеюсь, он о себе позаботится.

– Уж конечно.

Дивота стояла у настенной лампы в кардановом подвесе, заправленной китовым жиром, намереваясь ее загасить. В руке она держала выстиранное и отжатое белье Элен. Она собиралась его повесить где-нибудь снаружи, возле люка, а может, и на палубе, чтобы ветер высушил к утру.

«Дивота такая преданная, всегда думает о моем комфорте», – подумала Элен и с трудом поднялась из-за стола, обеими руками опираясь о край столешницы. Она пристально посмотрела на смуглое лицо горничной, которая в свои тридцать четыре года выглядела ненамного старше ее.

– Могу я тебя спросить? – обратилась Элен к Дивоте.

– Пожалуйста, chere.

– Там, в доме Фавье, я кое-что случайно услышала. Это правда, что ты... легла в постель с этим мужчиной ради меня?

Дивота сложила губки бантиком, на губах ее появилась шаловливая улыбка.

– Разве такие вещи делаются ради кого-то?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего, кроме того, что я женщина, а он мужчина. Нас свела судьба.

Дивота была не так проста, как казалось. С веселой улыбкой она могла спокойно сказать неправду, лишь бы не расстраивать Элен.

– Наверное, он повел себя не как мужчина? И поэтому сигнал на шхуну пришлось подавать тебе.

---

[15] Напиток из вина с сахаром, лимоном и льдом.

– А, ну конечно! Мы же с ним два одинаковых... – Во влажных глазах горничной промелькнула печаль.

«Два одинаковых...» Дивота, наверное, хотела сказать, что она и Фавье – оба мулаты, люди со смешанной кровью, – подумала Элен.

– Извини, я не хотела совать нос в твои дела...

– Это твое право, chere.

– Нет, не совсем.

– Не беспокойся, я об этом уже почти забыла, – сказала Дивота, покачав головой. Сунув руку в карман фартука, она вынула стеклянную бутылочку и протянула ее Элен. Это была та самая желтовато-зеленая бутылочка с ароматным маслом, которое Дивота приготовила специально для нее. Должно быть, все это время горничная носила ее с собой.

Элен колебалась, стоит ли еще раз воспользоваться этим средством, но Дивота перенесла столько трудностей, а бутылочку все же сохранила.

Вынув пробку, Элен растерла несколько капель масла по сгибу локтей, по шее и груди. Ее сразу же обволокло чудное благоухание, от которого закружилась голова. Закрыв пробкой бутылочку, она поставила ее на столик.

– Восхитительно! – улыбнулась она и подошла к постели. – Спокойной ночи, Дивота.

– Спокойной ночи, – ответила горничная и погасила лампу. Дверь за Дивотой закрылась. Элен легла и закрыла глаза.

Просыпалась она медленно. Приоткрыв глаза, Элен увидела, как солнечный свет заливал каюту, оживляя ее яркими красками, его блики плясали.

У нее за спиной, над самой койкой, был открыт иллюминатор. Теплое, мягкое дыхание океанского бриза шевелило ее волосы и заставляло дрожать края наброшенной на нее простыни. Элен слышала плеск волн, которые слабо ударялись в корпус судна. Шум волн сливался со свистом ветра в снастях где-то высоко над палубой, с раздававшимися временами хлопками парусов и скрипом деревянных частей корпуса при подъемах и спусках шхуны на волнах. Эти плавные движения успокаивали и убаюкивали. Казалось, стоит закрыть глаза – и сразу же уснешь.

Элен легко могла бы уснуть, но она почувствовала некоторое неудобство. Например, подушка, на которой лежала ее голова, показалась ей слишком жесткой и слишком теплой по сравнению с той, на которой она уснула вечером. И к тому же под ухом мерно и глухо стучало что-то такое, что напоминало биение сердца.

И действительно, это было биение сердца...

Такое открытие не должно было бы удивлять Элен. Ведь за последние три ночи и три утра она просыпалась с подобным ощущением.

Она медленно открыла глаза и увидела, что голова ее лежит на обнаженной груди Райана. Темные волосы курчавились на ней, уходя сужающейся полоской под простыню, сползшую к его талии. На продбородке темнела щетина. Накануне Райан нашел время, чтобы не только принять ванну, но и побриться. Теперь кожа на его загорелом лице была гладкой. Скулы чуть выдавались. Нос, как она успела заметить во время их первой встречи, был сломан, но не портил его мужественного лица. Брови и ресницы казались необычайно темными и густыми. Вокруг крупного решительного рта разбегались мелкие морщинки. Такие же морщинки лучиками расходились от его глаз, таких же синих, как морская вода на больших глубинах вдали от берегов.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.